

A stylized illustration featuring a woman's face partially obscured by the black silhouette of a tree. The background is a mix of black, red, and yellow. The woman has dark hair and is looking towards the viewer.

МИРТ И КЛЕВЕР

ГОРИ, ВЕДЬМА!

18+

Мирт и Клевер Гори, ведьма!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69822592

SelfPub; 2024

Аннотация

В городе, полном ведьм, никогда не стихает борьба за власть. Огонь магии, который в них горит, делает их не способными ни к миру, ни к покою. Говорят, что под городом спит птичий бог и видит сон обо всех ведьмах, которые ходят по его земле. И когда проснется, от его крика небо треснет пополам, и всякий ужас обернется плотью, а земля провалится под каждой ведьмой, и не будет им ни костра, ни кургана, ни помина. Бог лежит глубоко и спит крепко, но глаза его остры и все видит.

Содержание

Пролог	4
Глава 1.1.	9
Глава 1.2.	24
Глава 2.	47
Глава 3.	76
Глава 4.	101
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Мирт и Клевер Гори, ведьма!

Пролог

Начиналась моя пятнадцатая весна. Мир был юн, как я, и звенел от силы, как я. Зацветала степь, тяжелели медом цветы, ветер с юга нес сухую грозу и пыль.

Вместе с грозой пришел и его караван: сорок едва распутившихся дев и мальчишек, не старше меня.

Он был хмур, соколиные были его глаза, и висел на поясе кованный бронзой нож. Мне казалось, он видел нас всех насквозь. Он пришел за одной из моих сестер.

Резок был его гортанный птичий язык – горькое варево трав и точеный звериный клык, маслянистый отблеск луны на подпруге лихого коня, искры огня, пожирающего города, в нем свистели ветра, и звенела заморская сталь...

Но громче всего в языке его звучала печаль.

Он на сердце любом мог сыграть, как на флейте, знал все травы, звал по имени любой ветер, пересыпал в ладонях чужую боль, как песок, и ходил хозяином в чужой сон. Тайные тропы стелились под ноги ему, легко и свободно.

И я поняла, ради этой силы я сделаю, что угодно.

Свет луны, как мед, стекал по моим плечам и тропинкой вел под его шатер. Говорили, что я остра на язык, да только его – как кинжал остер. Я пришла к нему, как иные идут на костер.

Глядя прямо в глаза, я просила о даре. Не было никого красивей меня в его караване. Моя кожа была нежней, чем весенний ковыль и белее снегов, в черных косах моих только чистое серебро. Я была тоньше и ладней реки в окаеме крутых берегов, и сметливее всех и быстра, как стрела...

Но ему была нужна только моя сестра.

Я упала на землю, целовала пыльный подол плаща, и молила так, как молят только богов. Столько слез пролила, сколько ночью не видно звезд. Он небрежно рукою махнул и едва посмотрел на меня, как смотрят на грязь у ног.

Затемно тронулся его караван: сорок мальчишек, едва распутившихся дев, я и моя сестра.

И двух дней не прошло, как нас попытались убить – там, где их кости теперь поет на ветру ковыль. Ночью я сторожила сестру на пороге яви и сна, он заметил и начал меня по имени узнавать. Он тогда впервые взгляделся в мое лицо, птичьим глазом достав до самого дна, и сказал:

«Как прольешь столько крови, сколько пролито мной, с первым ветром весны и грозой ты вернешься назад».

Я ходила сквозь топи за ним след в след, и внимала каждому слову небрежному столько лет. Я пряла для него покрывала из ветра и пепла степных костров. Я всегда была самой отчаянной из учеников; постигала любую науку уверенней остальных и смелей.

И в награду за это он взял свой кованый нож
и нанес мне на кости слова на хищном своем языке.

Мы прошли полмира за ним насквозь и от края до края;
много лет спит моя сестра под высоким курганом. Время
течет рекою, мелет года, жизнь перетирается в пыль на
его жерновах. Я давно не считаю ни смерти чужие, ни
раны – я закрыла глаза половине его каравана.

Помню вкус крови лучше, чем вкус вина. Год от года
редел его караван, пока я не осталась одна.

Сколько жизней назад была та моя весна?

Он в ладони смешал золу, темень ночи и первый
рассветный луч, и своею рукой вывел мне знак на лбу –
что отныне никто не сможет меня убить, протянул мне
свой нож, улыбнулся и рухнул коленями в пыль. Были его
глаза как золото и как мёд, как пронзительный птичий
последний крик.

Он взгляделся в мое лицо, как прежде, до самого дна и
сказал: «Забирай, эта сила теперь твоя».

И я ее забрала.

Кровь чужая слезами текла по щекам, исчезая в траве.
Отражаясь внутри, соколиный крик затихал, исходя на
нет. Южный ветер трепал первоцветы в моих волосах.
Вдалеке почернел горизонт, собиралась гроза.

Глава 1.1.

Воздух сегодня пахнет кровью, густо и солоно. В промерзшем зимнем небе не видать луны, оставленные без присмотра звезды мерцают голодно и остро. Знают, чувствуют смерть и дрожат в нетерпении. Или это его самого потряхивает. У Ильдара приказ: «не брать никого живьем». Как будто ему нужно было приказывать.

За спиной тихо переговаривается отряд, и снег под их осторожными шагами хрустит едва слышно, и ветер ревет в кронах тополей нестерпимо, с протяжным визгом выворачивает голые ветви, заглушая другие звуки.

Весь его отряд – это пять человек, все кто осмелился пойти против воли своей верховной ведьмы. Он сам, Уж, самый старый друг, почти брат, Сочка – его младшая сестра, и трое его племянников. Смотрят вокруг настороженно, магия внутри них – взведенная пружина, только тронь и вырвется наружу. У всех глаза горят страшным диким огнем и такой же жадой, как у него самого.

Кто-то тронул его за локоть, заставляя оторвать взгляд от стен в старой штукатурке. Уж медленно убрал руку, нервно перекатился с пятки на носок и выдохнул вверх струю пара.

– Долго еще? – спросил он, кивая на дом.

Ветер взревел вдруг особенно пронзительно, так что зубы свело, Ильдар поморщился, тряхнул головой, выгоняя из ушей его вой, и ответил:

– Ждем сигнала. По плану.

– Да, я знаю, просто не верится, что мы так просто идем на Бажовых. Ты же знаешь, какие они.

Ильдар пожал плечами и отвернулся, возвращая взгляд, острый и желтый, как у хищной птицы, обратно к дому. Ветер чуть утих, и до него стали доноситься обрывки разговоров – быстрый шепот, тревожные интонации. Конечно, они боятся, хоть и пошли за ним. Нелегко уйти от ведьмы, которая, по слухам, правит своим шабашем дольше, чем стоит этот город.

Он и вправду знал, какие Бажовы, все знали. Их было всего трое, но они везде умудрялись совать свои бледные носы, и даже переживая не лучшие времена, вели себя слишком нахально и смело для шабаша из трех человек. В масштабах города этого было мало, но они все равно оставались величинной, которая долгое время была Ильдару не по зубам. Мож-

но сказать, он завидовал. Дело в том, что как сын верховной ведьмы, Ильдар имел право претендовать на ее титул. Он был готов, давно готов, но старуха все тянула и упрямылась, не торопилась делать его своим преемником. Не то ждала чего-то, не то просто Ильдару не доверяла. Подвинуть старуху не смог бы и ядерный взрыв, она корнями вросла в свой шабаш и в этот город так глубоко, что найдись самоубийца, который не побоялся бы попытаться ее сместить, город развалился бы на куски и похоронил бы под обломками не только этого смельчака, но и всех без разбору. Ильдар точно не стал бы заниматься такими глупостями, он же не идиот. В глубоком болоте их города полно всяких тварей, побольше и покрупнее его, занятых большими делами. И пока они вгрызаются друг другу в хребты, пенится вода, и чешуя летит во все стороны, такие как Ильдар всегда успеют урвать свой кусок. В характере ведьм много неприятных сторон, они все в разной степени, но без исключения, жадные до силы и до власти, наглые и эгоистичные. И чем больше у них силы, тем ярче это в них проявляется. Все, что нужно Ильдару, это немного терпения, пока они снова не начнут мутить вокруг друга друга воду и скалить пасти. И хоть терпение, в и без того короткий список ведьминских добродетелей никогда не входило, Ильдар дождался – крупная рыба сама к нему приплыла.

Смольный шабаш готовил к посвящению свою новую верховную, капризную и самовлюбленную сверх всякой меры,

как и полагается самой главной ведьме. За новой верховной стоял ее опекун, и зубы этой твари были острее всех, с кем Ильдар имел дело раньше. Ян умудрялся, будучи не самым сильным колдуном, держать самый многочисленный шабаш, а это говорило о многом. В основном об уме, хитрости и тотальном отсутствии принципов. Даже жаль, что сила ведьмы мерится не этим. Сила ведьмы зависит только от одного: того, сколько магии она может внутри себя собрать. Будет ли это кофейная чашка или, скажем, детский бассейн. Чем больше в ведьме помещается магии, тем больше и быстрее она сможет ее раздать другим ведьмам. И сила Яна, по мнению Ильдара, была где-то между чайником и напольной вазой. Он злорадно представил, как же тот, наверное, бесится, что вынужден уступить свое место избалованной малолетней стерве. А что она именно такая, Ильдар не сомневался, вряд ли Ян мог воспитать кого другого.

Зато свой потенциал вместимости Ильдар оценивал довольно высоко, было бы откуда эту магию взять. В том или ином виде она разлита практически повсеместно, но этого чертовски мало. Собирать ее так, это все равно, что пытаться добыть воду из воздуха где-то в пустыне.

Никто не знает почему, но в некоторых местах ткань реальности натягивается так тонко, что рвется, и оттуда, с другой стороны, с *изнанки*, в наш мир выливается магия. Когда

ведьмы находят такой разрыв, они делают его своим источником, выбирают самую сильную ведьму, способную черпать оттуда магию больше других, и объявляют себя шабашем. Так, или в любом ином порядке. Звучит довольно просто, если бы речь шла не о ведьмах. О, нет-нет, с ведьмами не бывает ничего простого. Когда они собираются в одном месте, их собрания больше похожи на одно из тех безумных шоу, где сначала все делают вид, что пытаются обсуждать проблему, потом кто-то срывается на оскорбление, все начинают говорить одновременно, и все это неизбежно заканчивается скандалом. Или соревнованием на выбывание, где проигравший выбывает навсегда и сразу отовсюду. В попытке доказать друг дружке, кто сильнее, они накачиваются магией до предела, больше и больше, пока та не пережжет им синапсы и не сварит мозги. Короче говоря, пока не останутся лишь те, кто пусть не так силен, но способен хотя бы к минимальному благоразумию. Говорят, Ян так и стал верховным: просто подождал, пока более сильные претенденты не перебили себя сами, а потом объявил себя верховным колдуном. И никто с ним не спорил, так как все оставшиеся в живых были кругом ему должны.

Иными словами, для шабаша нужно всего три вещи: источник магии – разрыв в *изнанке*, ведьма, способная им пользоваться и те, кто за ней пойдет. Проблема была в том, что каким бы сильным Ильдар себя не считал, источника у

него не было.

Реальность не рвется по заказу, никто не знает, где магия выплеснется наружу и что принесет с изнанки. За новыми разрывами тщательно следят, и скрыть их появление невозможно. Каждый раз, когда случается разрыв, город перетряхивает до основания, до самых костей. В таких условиях Ильдар мог получить источник для своего нового шабаша, только отняв его у кого-то другого, что равнялось бы самоубийству.

Так бы и мечтать Ильдару о своем шабаше, если бы не Ян.

«Будем друг другу полезны», сказал он.

«Будем», ответил Ильдар.

Быть полезным, по мнению Яна, означало, накачать Ильдара и его отряд магией до краев и отправить убить всех Бажовых. Ильдар тогда получит их источник, а Ян... Ян смеет в городе один упрямый и несговорчивый шабаш, на другой, лояльный и благодарный. По крайней мере, поначалу и в разумных пределах, усмехнулся про себя Ильдар. Он бы никогда не сунулся к Бажовым – они всегда были сильными, упертыми и непредсказуемыми в самых плохих смыслах, но сейчас его прикрывал Ян, а потому дело уже не выглядело

таким безнадежным.

И теперь он здесь, таится, наблюдает из-за угла и ждет. На территорию шабаша так просто не войти – магия, охраняющая дом, не пропустит. Кто-то изнутри должен был его впустить, и Ильдар сгорал от злого нетерпения, кто же откроет ему дверь. В ожидании он поднял ладонь к глазам, разглядывая – из-за избытка волшебства от кожи шел густой молочно-белый пар. Магия его родного шабаша была как раскаленный песок, колкая, сыпучая и тяжелая. Магия, которую им дал Ян, шипела и пузырилась, была горько-сладкой и чуть вязкой, но острой и хмельной, как и всякая другая магия. От нее кружилась голова, и даже морозный воздух не приносил облегчения. Она рвалась наружу, как стая псов, подстегивала инстинкты и дурила голову. Шептала внутри головы на сотню голосов, требуя только крови.

Ильдар сощурился, глядя, как на мраморном крыльце загорелся свет, тяжелая дверь открылась, выпуская молодого человека, и быстро заморгал, фокусируясь. Его птичьи глаза поймали неестественную бледность и напряжение, заметные даже в ночной темноте. Парень быстро сбежал по широким ступеням крыльца, будто они горели под его ногами, и вылетел на дорогу, когда кованые ворота будто бы сами раскрылись перед ним. Оранжевый свет фонаря высветил угол его стиснутой челюсти и всклокоченные светлые вихры на ма-

кушке. Затем он ломаным шагом пересек улицу, кутаясь в щегольский пиджак, до подбородка натянув ворот водолазки, ускоряясь, пронесся мимо, даже не взглянув на них, и скрылся за поворотом. Несколько секунд еще было слышно, как скрипит сухой снег под тонкой подошвой его ботинок, прежде чем все звуки утонули в вое ветра.

Ох, похоже, кое-кто только что предал семью.

«Поймаю тебя позже» – Ильдар весело фыркнул, провожая его взглядом. Убить всех Бажовых – значит убить всех, никаких исключений.

Он глубоко вдохнул ледяной воздух – на вкус тот был как тревога и новые возможности. Затем, запрокинув лицо, он широко улыбнулся звездам, и улыбка его была голодным и злым оскалом. Сегодня он тоже предаст семью, и черта с два будет об этом сожалеть. Ильдар проверил кобуру, щелкнул пальцами – магия внутри нетерпеливо колыхнулась и заструилась по кровотоку, а затем обернулся к отряду. Уж отрывисто кивнул на молчаливый вопрос, и они выдвинулись вперед. У них ровно десять минут на штурм.

Часы показали двадцать часов, семнадцать минут, полный заряд батареи, одно непрочитанное сообщение и два пропущенных входящих от Яна Смолича.

Яра Бажова не может спать – слушает вой ветра и треск льда на реке. Ее бессоннице уже почти четыре дня, но ведьма может не спать довольно долго, куда дольше, чем смог бы человек. Поздний вечер был обманчиво тих той особенной тишиной, которая, стоит начать прислушиваться, распадется на тысячу звуков. Громче всего сегодня звучит ветер. Он поет ей о гладких перьях в крыле у сокола и о мягкости ковыля под ладонью, каплях чьей-то крови на мерзлом песке, о хрупких костях и дыме больших костров. Каждая песня его была легкомысленна и изменчива, Яре тяжело их понять – не закончив предыдущую он сразу же начинал новую, в то же мгновение забывая, о чем пел раньше.

Она стояла у панорамного окна, навалившись локтями на подоконник и упираясь горячим лбом в холодное стекло. В стекле отражалась просторная столовая в нежных оттенках голубого, пара сверкающих люстр в окружении лепных цветов, крепкий стол из темного дерева, накрытый плотной кремовой скатертью, и ее старший брат, сосредоточенно натирающий полотенцем столовые приборы. Если закрыть глаза и прислушаться сильнее, можно уловить тихий скрип ткани

о стекло бокала, щелчки шестеренок в его наручных часах, едва уловимое гудение старой проводки, и как далеко в лесу шелестит изнанка, волнами нагоняя туман на снег, сухую траву и палую хвою.

Яра чуть скосила глаза, чтобы лучше видеть в стекле отражение брата. Одна его золотисто-карамельная прядь отделилась от уложенной челки и запуталась в ресницах. Он смахнул ее с лица небрежно-элегантным движением, заправляя за ухо. Яра хмыкнула. Он не повернул головы, но плечи его застыли в напряженной позе, неловкой и неудобной.

– Федя, перестань. Протрешь в ложке дыру – как тогда будешь есть? – она слабо улыбнулась уголком рта, – Что он тебе такого сказал, что ты уже неделю сам не свой?

– Ничего, что бы тебя касалось, – ответил он тихо и твердо.

Это было не то, чтобы слишком неожиданно, но все равно неприятно. Без матери они все стали холодней, но раньше Федя никогда не говорил с ней так грубо. Их осталось в шабаше всего трое, но без мамы, вместо того, чтобы стать ближе, они как будто перестали быть семьей. Почти восемь лет прошло со дня ее смерти, а они все еще не научились жить без нее. И если с отцом все было ясно – он любил жену

больше, чем всех своих детей вместе взятых, то Федю Яра понять не могла. Это непонимание жгло внутри и здорово сбивало с толку.

С неделю назад отец с Федей заперлись в кабинете и долго о чем-то говорили, а после Федя вылетел оттуда взбешенный, с белым от ярости лицом, и до утра бродил по обледенелому берегу. А когда она подошла к нему, посмотрел так зло и так страшно, что Яра не решилась расспрашивать, и потом долго тайком следила из окна, как он, нахохлившись, сидит перед костром и пялится в реку. Отец в тот вечер и вовсе так и не вышел из кабинета.

С тех пор на любое ее слово Федя, и раньше не слишком разговорчивый, отвечал односложно и сухо, смотря на нее взглядом, который раньше приберегал только для чужих: пустым и равнодушным. Что такого мог сказать отец, чтобы сделать его таким?

Опустив плечи, она повернулась обратно к окну, вглядываясь в привычный пейзаж. Ночь в густых тенях скрыла высокий склон почти от самых стен дома и широкие каменные ступени, ведущие к берегу. Покрытая заснеженным льдом река блестела там, где на нее падал свет из окон, темным пятном на ее фоне резко выделялся старый мост. Точно в его середине торчал фонарный столб, с прибитыми к нему узкими

перекладинами, и качался на ветру фонарь, внутри которого плясал едва видимый огонек. За рекой, почти от самого берега, стеной вырастал лес и тянулся далеко, сколько хватит глаз, до самого горизонта.

Яра раздраженно отвернулась от окна, чтобы увидеть, как брат, стиснув от напряжения челюсть, уголок к уголку складывает накрахмаленные салфетки. Как с ним говорить, когда он такой? Нетерпеливо тряхнув головой, она бесцветно выдохнула: «Пойду, посмотрю, как там гусь». И вышла из комнаты.

Федор за ее спиной покачнулся на месте – колени дернуло противной слабостью, и тяжело оперся руками на стол. Рассеянные глаза заскользили по нежно-голубой стене, путаясь в мелком, едва различимом орнаменте, по старинной печи в молочном кафеле, по ветвистой лепнине на ее скругленных боках, *мать называла это наивный модерн*, пока Федор не наткнулся на свое отражение в круглом зеркале на печной полке, да так и застыл, пойманный собственным взглядом. Серые глаза и узкий зрачок, упавшая набок челка, выцветшие веснушки на переносице – отражение дробилось, никак не желая складываться в целое.

Кто ты такой, я не хочу тобой быть.

Собственный взгляд, незнакомый и настороженный, держал крепко. Было слышно, как внизу с тихим скрипом Яра открывает кухонную дверь, и как этажом выше ходит по кабинету отец. Если бы захотел, он услышал бы, как звякнул, качнувшись на морозе фонарь, и как ветер с едва слышными хлопками срывает в нем огонек. Но это были опасные звуки, они путали мысли в теплый уютный клубок, сбивали с пути, и Федор старательно гнал их прочь. Часы на руке мягко щелкнули, унося минутную стрелку на новый круг, и он отмер. Выдохнул длинно и прерывисто, пружинисто оттолкнулся от столешницы, подхватил пиджак и стремительно вышел.

Плотный поток магии снес с петель входную дверь. Ладонь у Ильдара еще немного пульсировала после колдовства, но это было скорее приятное ощущение. Хотя бы потому, что раньше у него никогда не хватило бы силы на такое. Выждав пару секунд, он подал Ужу, прикрывающему его, знак входить. Тот кивнул в ответ и поднял штурмовую винтовку повыше. Магия – это хорошо, магия – это замечательно, но смерть Бажовых и судьбу своего будущего шабаша Ильдар доверил бы только пуле. Тяжелой, металлической, и не

зависящей от изменчивого запаса магии. Не дожидаясь, пока пыль уляжется после взрыва, он потянул повыше шарф и шагнул в сизые клубы. Глаза его были слабее, чем у бабки, но все равно видели лучше, чем человеческие. Чужая, взятая взаймы магия взвыла внутри, а затем понесла его вперед. Шаг стал легким и пружинистым, как у зверя на охоте, рукоять макаррова жгла ладонь, хотя он еще не сделал ни одного выстрела. Неслышно ступая, он оглянулся, проверяя Ужа, и толкнул первую дверь. Та с тихим скрипом отворилась.

Было темно, сладко пахло жареным мясом и специями. Жидкий свет из окон осветил просторную кухню, отразился на светлом кафеле, на хромированных деталях кухонной техники и начищенных ручках шкафчиков. В большом духовом шкафу, подсвеченный со всех сторон, тихо запекался гусь. По верху шкафчиков, почти под самым потолком перемигивалась золотыми огоньками новогодняя гирлянда. Было почти тошнотворно по-домашнему мило. Ильдар скривился и принялся медленно обходить кухню, раскрывая шкафчики мало-мальски подходящие для того, чтобы в них спрятаться, и выщеливая все темные углы. «Ну же,» – хмыкнул он, оглядывая ровные ряды скучных банок с крупами и полотенец. «Где же все самое интересное? Шабаш вы, или где?» Где знаменитые трофейные травы, про которые среди ведьм легенды ходят, или хотя бы обвалочные ножи? Он сунул нос в банку полную какой-то сушеной зелени, но то оказался все-

го лишь укроп. В кухне было пусто. Не то, чтобы он надеялся обнаружить каких-то заспиртованных уродцев в банках или незаконченную химеру, или хотя бы набор медицинских игл, но, видимо, магия творилась в каком-то другом месте. Эльдар сделал себе заметку, как дело будет сделано, и перед тем, как сюда заявится Ян, перетряхнуть дом от крыши до фундамента.

Глава 1.2.

Яра лежала на боку и, сжимая ладонями звенящую от удара голову, пыталась втолкнуть в легкие хотя бы глоток воздуха. Втягивала его жадными рывками, раз за разом, но он, пополам разбавленный пылью, лишь жирной грязью оседал на языке. Импульс от снесенной двери застал ее на лестнице, хорошо приложил о стену и швырнул на лестничный пролет между этажами. Раньше он был огорожен тонкими перилами, но теперь от них остались только остро торчащие куски и гора светлой сосновой щепы. С надсадным хрипом ей, наконец, удалось вдохнуть немного воздуха и перевернуться. В живот тут же впились щепки и осколки бетонного крошева, а из разбитого носа часто и быстро закапала кровь, скатываясь на покрытом пылью паркете. Яра шмыгнула носом, утираясь рукавом, и вдавила пальцы в солнечное сплетение – там до сих пор жгло и болело от удара, но, вроде бы, сломано ничего не было.

Вошедших она скорее ощутила, чем услышала: двое мужчин, накачанные магией до того уровня, когда она начинает влиять на мозги. Ни один из них не был Федей. *Чужие и опасные.* Яра старательно задышала ртом, боясь нечаянно хлопнуть носом, полным крови, выдавая себя, и медленно подползла к краю лестничного пролета, чтобы выглянуть

вниз. Так и есть, двое: один, жилистый и юркий, а другой – тут Яра высунулась чуть больше, пытаясь разглядеть, другой – повыше и помощнее, с чем-то вроде пистолета. Не дав себя хорошенько рассмотреть, он скрылся в кухне. Его напарник с винтовкой наготове закружил по небольшому холлу, осматривая завалы того, что всего пару минут назад было мебелью. В желудке куском льда заворочалась паника, это здорово мешало думать. Это, и противная мелкая дрожь, не то от страха, не то от адреналина. Почему Федя ушел? Почему отец не спускается? Как он мог не услышать взрыва? Яра беззвучно выругалась, выдыхая рывками, и тут же поморщилась от боли в ребрах.

Человек внизу тихим, пружинящим шагом обходил обломки зеркальных этажерок и низких диванчиков в восточном стиле

Мама любила шелковую вышивку на них, помнишь?

Мраморная крошка, осколки стекла и щепки хрустели под подошвами. Яра уронила голову и уткнулась лбом в шершавые доски, поднимая маленькие облачка пыли при каждом выдохе. Ее холодные влажные пальцы заскользили по корпусу телефона в кармане, прежде чем удалось его вытащить и отправить отцу пару сообщений, полных ужаса и ошибок, так и оставшихся неп прочитанными. Как и те, которые она

отправила Феде.

Пульс скакал, как сумасшедший, шум крови в ушах нарастал, набирал обороты внутри ее головы, подобно турбинам, заслоняя собой все остальные звуки, не выплескиваясь наружу, но все пребывая и пребывая, заполняя все внутри вязкой темной мутью. Муть эта тяжелила ноги и руки, заковыывая в какое-то оцепенение, заставляя повторять по кругу одни и те же мысли.

Почему Федя впустил их? Куда он ушел? Где отец?

Было темно, только свет с улицы разбивает черноту, создавая изменчивые многослойные тени. В попытке сконцентрироваться и заставить себя хоть что-то придумать, она с силой нажала на солнечное сплетение, тут же отозвавшееся тупой болью. Цепляясь за эту боль, мешающую соскользнуть обратно в бесконечную карусель однообразных вопросов, Яра зажмурилась – зрение в таком деле только помешает, и мазнула пальцами под носом, собирая набежавшую кровь. Сжав от усилия зубы, она вытянула дрожащую руку, касаясь густой тени на стыке стены и пола, и на протяжном медленном выдохе, послала осторожный магический импульс к кончикам пальцев. Тень тут же любопытным зверем ткнулась ей в ладонь, прошла по коже, дочиста слизав кровь, и бесшумной бархатной волной утекла вниз по ступеням, дробясь

на паркете и перетекая почти невидимыми глазу движениями. Там она мягко упала в темноту под лестницей и, слившись с ней, перестала быть различима. Но Яра знала, чувствовала, как та тонким ручейком потекла вдоль стен, поглощая на своем пути все встречные тени, становясь гуще и шире. Тянуть из себя магию медленно, держа постоянный темп, было сложно, хоть бы ее вообще хватило, но держать сознание в ясности и концентрации – еще сложнее. Яра скрипнула зубами и сильнее надавила на ушиб. Нельзя торопиться, нельзя дать себя обнаружить, нельзя, чтобы кто-то увидел даже крохотное колебание темноты вокруг.

Второй колдун осмотрел кухню и вернулся в холл, его вкрадчивые шаги мягко прошелестели и затихли почти в центре комнаты. Яра снова беззвучно выругалась – теперь ему достаточно лишь поднять голову и приглядеться, чтобы увидеть ее. Колдун с винтовкой тоже прекратил кружить и замер где-то неподалеку. Они неслышно о чем-то переговаривались, не обращая внимания на густеющую темноту. Тень наполняла комнату слишком медленно – мышцы в вытянутой руке начало жечь от напряжения, а сама рука затряслась, размазывая по полу смешанную с пылью кровь. Если хотя бы один из них поднимет голову – ее заметят, если кто-то обратит внимание на тени – ее заметят, если кто-то ступит на лестницу – ее заметят. Тень ее заскользила быстрее вдоль стен, прибывая подобно воде, и с каждой секундой

удерживать ее становилось все тяжелее. В солнечном сплетении жгло и болело все сильнее, и боль эта уже не помогала держать голову ясной, к горлу подкатила тошнота. Призрачная тяжесть давила на виски, и плечи, почти выворачивая суставы. Яра так сильно сконцентрировалась на ровном течении магии, что не сразу заметила, как из коридора, что вел с заднего двора, вышли четверо – плотный приземистый мужчина, двое высоких парней, по-видимому, близнецы, и молодая девушка, почти подросток, тонкая и легкая. Все они были вооружены. Мужчина, что шел первым, резко выдохнул от неожиданности, увидев высокий холл, почти под потолок заполненный плотной темнотой, трепещущей и непроглядной, оставившей лишь кольцо естественного полумрака в центре, где стояли двое. Яра вздрогнула от этого звука, замерла в панике, да так, что и дышать перестала, а сердце рванулось к горлу. Колдун с пистолетом вскинулся, оглядываясь, и встретился с ней глазами. Те оказались ярко-желтыми даже в окружающем их полумраке. На пару мгновений они застыли, глядя друг на друга. В наступившей тишине таймер на духовке издал короткую пронзительную трель, оповещая, что гусь готов.

От неожиданности Яра дернулась, не удержав тяжести своего колдовства, и следующую секунду исполинская волна ничем не сдерживаемой тьмы рухнула со стен, погребая под собой холл, захлестывая всех с головой, заливая глаза и

не давая вдохнуть, вместо воздуха врываясь в распахнутые рты. Загремели выстрелы, кто-то закричал, захлебываясь, а она все лилась и лилась со стен черным нескончаемым потоком. Автоматная очередь прошла паркет в полуметре от Яры, тут же вскочившей и бросившейся вверх по лестнице. Спотыкаясь второпях и стучаясь коленями о стыки ступеней, она лихорадочно перебирала в уме все колдовство, которое знала, пытаясь найти что-то подходящее, даже не замечая осколков щепы, глубоко распоровших ей кожу на икрах. Не оглядываясь, она свернула в галерею и что есть силы бросилась вперед, к отцовскому кабинету, натыкаясь на стены и пачкая кровью все двери на своем пути.

С последним рывком Яра ввалилась в кабинет. Едва дверь захлопнулась за ее спиной, как дрожащие ноги подкосились, и она обессилено сползла по стене. Отца в кабинете не оказалось, и от этого внутренности ей сдавило чувство какой-то неясной тревоги. Разгоряченная бегом, Яра не сразу поняла, что в комнате холодно: несмотря на то, что в камине горел огонь, широкая дверь на террасу была распахнута настежь, и сквозняк чуть шевелил тяжелые портьеры глубокого синего цвета по обеим ее сторонам.

Сколько она себя помнила, посередине кабинета, почти во всю его ширину, всегда стоял огромный стол, оставляя лишь немного места по бокам, для прохода. К столу в комплекте

шло такое же огромное, подстать ему, кресло, обитое матовой кожей. На подлокотниках и под головой кожа вытерлась от времени и истончилась, а медные заклепки потемнели. Некоторые из них, Яра знала, были несколько раз заменены. Пошатываясь, она подошла к столу, легонько коснулась его темной полированной поверхности, стараясь не запачкать ее грязными руками. Под своей столешницей стол хранил бесчисленное множество ящичков всех размеров, с замками и без, с торчащими в них ключами и запечатанными заклятиями, названий которым Яра не знала. Особенно ей нравились те, что были без ручек и замков, изрезанные летящей вязью, с залитой в глубокие борозды краской, золотой, красной и синей. Страшно упомнить, сколько часов они с Федей провели сидя на цветастом ковре под этим столом, водя пальцами по шерховатым сколам на краске, глядя на Лес в распахнутую дверь, молча или разговаривая обо всем на свете.

За стеной раздался выстрел, заставляя Яру содрогнуться всем телом от неожиданности, загрохотали чужие шаги, срывающиеся на бег. Чей-то хриплый голос закричал:

– Вы двое, ищите девуку!

Яра, спотыкаясь и поскользываясь на паркете, метнулась под стол, прижалась спиной к толстой панели от столешницы до пола, и обмирая внутри от страха, принялась считать

секунды до того, как откроется дверь. Яра была пуста – магии в ней совсем не осталось, после призыва тени, все что осталось, она, убегая, вложила в сотворение тумана. Обливаясь холодным потом, она потянулась к *изнанке*, пытаясь зачерпнуть хоть немного магии, сколько успеет, но от страха не смогла даже почуять ее.

Вдруг портьеры перед ней колыхнулись, с террасы в комнату зашел ее отец. В одной руке он держал пузатый коньячный бокал, наполовину полный, другая расслабленно лежала в кармане строгих брюк оттенка темного шоколада. Рукава его рубашки цвета топленого молока были небрежно закатаны, русые волосы растрепаны зимним ветром. Увидев Яру, сжавшуюся под столом с круглыми испуганными глазами, он удивленно моргнул. «Он же ничего не слышал!» – поняла Яра. И как только она раскрыла рот, чтобы рассказать ему обо всем, дверь с силой распахнулась, ударив о стену, и в кабинет кто-то вошел. Короткий смешок заглушил хруст затвора.

– Привет-привет. Ну и дрянь же твой сынок, а? Сдал вас всех ни за что, – фыркнул веселый мужской голос где-то над ее головой.

Выстрел раздался будто бы прямо у нее внутри. Начался с сухого щелчка в голове и разросся в ее теле белой вспышкой,

заполняя ее всю какой-то горькой и едкой взвесью, вытесняя все мысли и звуки. Словно в замедленной съемке, она увидела, как отца отбрасывает назад, прямо в кресло, а потом теплая кровь брызжет ей в лицо, заливая глаза и раскрытый в ужасе рот, окрашивает отцу рубашку на груди в жгучий, яркий цвет, и *течет, течет, течет... стекает* по креслу, собирается в маленькие ручейки, затекает в стыки между паркетными досками и впитывается в ковер.

– Ну, туда вам всем и дорога, – добавил неизвестный с едким злорадством и захлопнул дверь.

В голове гулко пульсировала какая-то ватная муть, через которую едва пробились только самые простые мысли, да и те сразу гасли.

«Холодно».

«Гусь, наверное, сгорел».

Яра потянулась и легонько коснулась отцовской руки, та чуть качнулась от ее движения и осталась такой же безвольной. Безжизненной.

«Потому, что он мертв...»

«... и ты тоже будешь».

Яра Бажова никогда в жизни не была одна. Что бы не случилось, даже в самых больших ссорах, брат все равно был с ней рядом, только руку протяни: с мягкостью свитера, тонким хлопком футболок или шершавой шерстью пиджаков, с размеренным звуком часового хода на правом запястье, с быстрым шепотом, в котором прячется смех, в сотнях секретов, в бликах на горлышке первой распитой на двоих бутылки и первом серьезном колдовстве, в мятых листах подорожника и криво наклеенных пластырях, с первого глотка магии, и с самого первого ее воспоминания, во всей ее жизни, везде-везде-везде. Никогда в жизни Яра Бажова не была одна, с ней всегда был ее брат. Но не теперь. Он ушел, впустив в дом чужаков с оружием. А она сидит, заторможено пялится на то, как от отцовской крови намокает ковер, и не может уложить в голове эту простую мысль.

Яра моргнула. Подняла с ковра бокал и принялась. Вокруг стоял густой запах крови, но в самом бокале терпко пахло специями, а на дне еще оставалось несколько капель. Она немного прокрутила бокал в ладони, и остатки коньяка послушно качнулись следом. Резко запрокинув голову, она допила одним разом все, что там было. Коньяк пряным золотистым огнем прокатился по языку, огладил гортань и упал в желудок. А затем Яра потянулась к изнанке, привычным,

тысячи раз отмерянным движением, и в этот раз магия не упрямилась, потекла быстро и послушно, плеснула на что-то горькое и ядовитое, зашипела, как искра на розжиге, и все внутри у Яры вспыхнуло, занимаясь жгучим хмельным пламенем. Прежде она бы остановилась, едва начало жечь, но теперь зачем это? В доме, полном гостей, она осталась единственной хозяйкой. Нужно встретить их, раз пришли.

Неловко качнувшись, Яра вылезла из-под стола, кулаком растерла затекшую ногу. На отца, ломаной фигурой застывшего в кресле, она старалась не смотреть. Внутри было пусто и горячо, а магия пела какую-то новую песню. Такими песнями в самый раз манить хрупкие корабли на скалы, да только Яре не было до того дела. Проходя мимо камина, она даже не заметила, как языки огня, вскользь огладив решетку, на мгновении потянулись ей вслед.

За дверью ее встретили нацеленным в лицо пистолетным дулом. Девушка, кто-то из младших шабаша старой Зибы, Яра не помнила имени, широко распахнула испуганные глаза и раскрыла рот, явно готовясь закричать. А лучше бы сразу стреляла.

Они все-таки потеряли девку. Она точно была в доме, Ильдар нутром ощущал суматошный ток ее магии где-то рядом. Тень, брошенная без присмотра заклинателя, безучастно колыхалась на уровне колен. Непонятно откуда набежал плотный туман, мешая разглядеть что-то дальше вытянутой руки. Исчезли стены и потолок, пространство вокруг поделилось на текучую темноту и белую хмарь, как масло с водой. Ильдар нервно хмыкнул, когда его передернуло от липкого ощущения потери ориентиров. Туман сильно глушил звуки, донося до ушей только едва различимое эхо голосов. Он не мог найти никого из команды. Чувствовал, что все они близко, бродят вслепую, так же, как он сам, но почему-то до сих пор ни на кого не наткнулся. Конечно, никто не ожидал, что Бажовых подадут на блюде и в яблоках, но все равно, неприятно осознавать, что девчонку он явно недооценил. Даже с верховным они провозились меньше, чем с ней. Ильдар досадливо поморщился. Надо было все-таки проверить пульс у Матвея Бажова после выстрела, слишком уж просто все получилось. Но в ту секунду, ровно между тем, как Ильдар его увидел и тем, как спустил курок, его насквозь пробило ощущение сродни озарению, нечто тяжелое и неотвратимое. Ильдари раньше не приходилось убивать, и это чувство перепугало его и сотрясло до основания, как будто не он это целился, а сам стоял под прицелом. Оно не ушло, когда фигура верховного тяжело упала в кресло, и, возможно, именно

из-за этого ощущения Ильдар покинул кабинет так быстро, как только смог. Как будто сбежал, а теперь злится на себя, что оказался таким слабаком.

Лишенный ориентиров в зыбкой темноте, он крутанулся на пятке и зашагал наугад, шипяще выругавшись, когда едва не влетел в стену с какой-то картиной. Еще немного и угол тяжелой рамы раскроил бы ему висок. Он осторожно приблизился, вглядываясь. Вблизи оказалось, что это не картина, а фото. В скудном освещении сложно было разобрать лица, да только в городе не было ведьмы, которая бы не узнала это счастливое семейство. Ильдар сплюнул на пол, поморщившись. Даже странно, что семейный портрет такого скромного размера – с такого верховного мудака, как Матвей Бажов сталось бы повесить портрет писанный маслом, да во всю стену и напротив входа. Не зря в своем самодовольстве Матвей всегда неуловимо напоминал Ильдару Яна.

Он легонько постучал по толстому стеклу, всматриваясь в фото. На нем Ида и Матвей Бажовы чинно восседали на невысокой оттоманке, обитой красным шелком. Ильдар вроде бы натыкался на ее обломки где-то в тумане. Позади старших Бажовых, важные, как на параде, стоял их выводок: девка и пацан, опрятные, не по возрасту серьезные, любо-дорого смотреть. Какое милое семейство, и не скажешь, что сумасшедший психопат, лесная тварь и их ублюдки, которых и су-

уществовать-то не должно. Колдовство – не слишком приятная вещь, в нем почти всегда замешана кровь и грязь. Часто оно творится по локоть в чьих-то внутренностях, и на самом деле в этом нет чего-то особенного. Но только сумасшедшему могла прийти в голову идея заводить детей от почти животного. Ильдар находил это неестественным и диким.

Никто точно не знал, как именно Матвей получил свою жену, но совершенно ясно, что не была она ни ведьмой, ни человеком, ни чем-то между. Такое трудно скрыть. Чтобы понять, кто есть кто, достаточно одного взгляда, не обязательно иметь птичьи глаза. Обратни пахнут шерстью и сырой землей, и пульсируют в том же ритме, в котором растет трава, и бежит по корням древесный сок, ведьмы мерцают от магии, как угли в костре и пахнут своим разрывом в *изнанке*. А все полудикие твари выглядят, как бездонные дыры, жаждущие заполнить себя чужой жизнью, и пахнут смертью: мавки – кровью и сухой травой, кикиморы – стоячей водой и разложением. Смотреть на Иду Бажову было все равно, что смотреть в темноту между деревьями, в лесу полном таких чудовищ, о которых только шепотом и можно говорить. Намного, намного хуже мавки. Не должно было ей существовать, и детям ее тоже. Так что, правильно все, психопат Матвей получил, что заслужил, а скоро и щенкам его конец, сначала мелкой суке, а потом Ильдар и до старшего доберется, дайте время. А после он заберет все ценные вещички, кото-

рыми, ясное дело, набит этот дом. И разрыв в *изнанке* тоже заберет. Мертвецам это все ни к чему.

Ильдар задорно щелкнул ногтем по стеклу.

«К чертям», – подумал он, – «Заберу голову мудака с собой, славный будет трофей».

Притихшая, было, магия внутри согласно зарычала, и Ильдар нервно ухмыльнулся ей в ответ. А почему, собственно, нет? Он присел, запуская пальцы во тьму, и магия в ответ на его мысли послушно хлынула наружу. Черное море без конца и без края подернулось рябью, вскипело, и выросло оскалившейся десятком пастей гончей сворой. Свора завыла. Первый ее вой в этом мире был беззвучен, зато вибрация от него продрала до костей. Свора была слепа, но глаза ей были не нужны, она и так чуяла добычу – едва родившись, она уже знала, кого искать. Гладкие морды безошибочно задрались кверху, все носы развернулись в одном направлении через беспроглядный туман. Девка была там, в этом не было сомнений, эта тьма уже знала вкус ее крови.

Ильдар наклонился к своре – от зыбких шкур пахнуло горячим железом, и прошептал: «Взять».

Свора рванула с места, а он помчался за ней через клубы

темноты, спотыкаясь об обломки мебели и собственные ноги. Он едва успевал, бросаясь по лестнице вверх, перепрыгивая через ступени, которых будто стало больше, чем он видел, когда только вошел в дом. Он бежал и бежал, то и дело хватаясь за обломки перил, помогая себе не упасть, а лестница все тянулась и тянулась, выхватывая из темноты и бросая ему под ноги новые ступени, и растворяя их в темноте прямо за его спиной. Ярость зажгла его не хуже, чем азарт охоты. Он собрал магию и швырнул ее вперед инстинктивно, как совсем недавно таким же импульсом вынес дверь. Дом содрогнулся, с потолка посыпалось, рядом с Ильдаром упала балка и, покотившись, скользнула в пролет между этажами. Зато лестница перестала водить его кругами, он наконец-то увидел свору и выдохнул. Та все-таки поймала девку, и тесно сгрудившись вокруг, отрывала от нее куски, с треском перемалывая кости мощными челюстями. Он поморщился от звуков влажного чавканья и вибрации беззвучного рыка, и устало заковылял к ней, чтобы посмотреть поближе.

– Ну вот и все. Заставила же ты побегать, су... – он осекся на полуслове, заглядывая в мешанину из истекающих розовой слюной пастей, полных острейших зубов и почувствовал, как предательски слабеют колени: свора глодала то, что еще полчаса назад было Соечкой. Гончие уже своротили ей нижнюю челюсть, и из разорванной шеи хлестала кровь, заливая нежные ключицы и мягкие каштановые пряди, выбив-

шиеся из высокого хвоста. Свора подставляла черные языки под теплую соленую струю, слизывая подтеки вокруг, жадно зарывалась носами в распоротый живот, и не обращала на Ильдара никакого внимания.

К горлу подступила тошнота. Ильдар, расширив глаза от ужаса, мгновенно окатившего его всего холодом и липким потом, неверяще замотал головой и шагнул назад, тут же спотыкаясь о что-то. Он неловко всплеснул руками, в попытке удержать равновесие, а потом что-то тяжелое с хрустом ударило его по затылку, и он потерял сознание.

Очнулся он от чужого крика. Под щекой было мокро, резко пахло гвоздикой и спиртом. Веки удалось разлепить не с первого раза, а когда он, наконец, сделал это, глаза тут же заслезились от едкого дыма. Голова разрывалась от боли, и эта боль была везде. Еще никогда в жизни ему не было так больно. Ильдар застонал, облизывая сухие губы, язык задел спекшиеся ранки, жая короткой вспышкой новой боли. Что еще хуже – в нем не было ни капли магии. Он попытался было перевернуться и обнаружил, что связан по рукам и ногам кручеными шнурами от портьер и вдобавок привязан к че-

му-то твердому и теплому. Пришлось скосить глаза, чтобы рассмотреть, но из своего положения он смог увидеть только, как издевательски тряслись шелковые кисточки от каждого слабого движения. В нос ударил запах горелого мяса, густой и крепкий. Едва соображая, что происходит, он повернул голову и замычал от ужаса. Сзади, на боку, как большая ложка, весь почерневший от гари, лежал Уж и выдыхал с сильным присвистом прямо Ильдару в лицо. Его собственно лица больше не было, только черная гарь, исполосованная глубокими трещинами, из которых сочилось что-то влажное, слегка желтоватое. Желудок Ильдара скрутил болезненный спазм, и быстро отвернувшись, он уткнулся в мокрый ковер, на котором они лежали, и вдыхал запах пыли и алкоголя, пока тошнота не отступила. Переворачиваясь, он невольно потревожил Ужа, пихнув плечом, и тот слабо стонал от боли. Звук шагов позади снова заставил Ильдара дернуться, плотнее втираясь в тело позади. На глазах от ужаса и омерзения выступили слезы, обжигая сухую слизистую.

Шаги приблизились, и вскоре перед ним оказались пара женских сапог на высокой шнуровке и край вымазанного чем-то темным платья. Яра Бажова резко присела, и все поле зрения заняло ее бледное лицо в подтеках крови и грязи. Она приветливо оскалилась и вцепилась ему в макушку, подтягивая к себе, чтобы рассмотреть повнимательнее. Ильдар застонал: жгучая боль прострелила его от зажатых в ее

кулаке волос до самой поясицы и горячими углями залегла в основание позвоночника.

– Ну и зачем ты притащился, падаль? – зашептала она, выдыхая ему в лицо тем же осточертевшим запахом специй и алкоголя. – Поздновато для гостей, и я не помню, чтобы мы кого-то приглашали. Бабка тебя прислала? Нет, не бабка, – она перехватила его голову чуть выше, по-животному диким движением вдыхая воздух вдоль шеи. – Оооо, конечно, он бы хотел, чтобы я так думала. От этого всего несет Яном и его магией. Тощий уродец, небось, обещал тебе нашу *изнанку*, за то, что ты, рембо, перебеешь тут всех, а?

Она тряхнула рукой, вырывая из него новые стоны. Ильдар попытался сосредоточиться, чтобы ответить, но язык не шевелился, а слова не шли, бестолково толпясь в голове, и каждая попытка подумать, причиняла лишь боль.

– Что еще? Сокровища, да? Славные волшебные вещички? – чужой рот перед его глазами сложился в издевательскую усмешку.

От тряски и боли в глазах помутнело, Ильдар задышал сквозь стиснутые зубы, изо всех сил цепляясь за действительность: жесткую руку в волосах, круглый ворот платья из серебристого бархата и чужой оскал с острыми, чуть высту-

пающими клыками.

– Только знаешь, что? – она наклонилась к самому его лицу и доверительно прошептала, снова обдавая влажным алкогольным воздухом. – Мама говорила, что я в этом доме самое ценное золотко. И мой брат. Где мой брат, мразь?

Ильдар упал обратно на ковер, затылком прямо в черно-розовое месиво, когда-то бывшее лицом его лучшего друга, и обессилено закашлялся. Было так больно, так больно, и дышать в этом дыму так трудно.

Яра разжала пальцы, оставляя его, и завозилась где-то вне зоны видимости. Затем она подергала каждый узел, связывающий Ильдара и Ужа, ухватилась за бахрому, и куда-то потащила их вместе с ковром. В какой-то момент их тряхнуло о порог, и Ильдар почувствовал, что мороз тронул щеки, а дышать, как будто бы, стало легче. Яра пару раз останавливалась, шумно переводила дыхание и двигалась дальше. Ильдар лежал на спине, почти не чувствуя ни свое тело, ни как его в очередной раз бьет о неровности дороги. Может из-за мороза, а может потому, что в какой-то момент боли стало слишком много, чтобы она вся поместилась в него. Он смотрел на высокое ночное небо, на то, как редкие звезды кружатся смазанным хороводом. Впрочем, те, скорее всего, ему привиделись, когда веки стали слишком тяжелыми и

пришлось их закрыть. Вдохи его становилось все реже, Ильдар почувствовал, как боль и сознание куда-то ускользают, а сам он проваливается в глухую темноту. Не в такую, которая плескалась сегодня у его ног, а в другую, настоящую.

Внезапно щеку обожгло ударом, а сам он резко со свистом вдохнул, слепо шаря глазами вокруг.

– Нееееет, нет, нет, нет! – горячечно зашептала Яра, наклоняясь к нему. – На этом берегу ты не умрешь. Хватит и тех, кто остался в доме. Ты знал, что гончие, созданные из тебя, не оставляют от своих жертв буквально ничего? Ни следа крови, ни костей, поглощают без остатка, как и не было никого. Ну, конечно, ты знал, затем и вызывал их, да?

Она улыбнулась, склоняясь еще ниже, грязными пальцами оттягивая ему веки.

– Красивые у тебя глаза, – протянула она задумчиво, коротко хохотнула, а потом снова ударила по лицу, когда его глаза начали закатываться.

Ильдар слабо выдохнул, заставляя себя смотреть – наверху, надо же, он и не заметил, как они спустились к реке, полыхал дом, языки пламени поднимались из разбитых окон, белесый дым уносило по направлению к центру города. Он

перевел взгляд на Яру – в серых глазах напротив не было ни следа осмысленности, только искры того же огня, что пожирал дом за ее спиной.

– Огневица! – хриплый голос ее с усилием, как тупое зубчатое лезвие, рассек ночь.

Длинный порез полоснул ее по запекшимся губам, ложась накрест поверх другого, Ильдар сперва не заметил его во всей крови, размазанной по ее лицу.

«Нет! Нет, пожалуйста!..» – Ильдар сдавленно заскулил, беспомощно заворочался в своих оковах – он знал огневицу.

Яра его не слушала. Она поднесла руку к порезу и стерла набевшую кровь, а затем стряхнула вниз. Округлившимися от ужаса глазами Ильдар смотрел, как темные капли срываются с кончиков ее пальцев и с тихим стуком падают ему на ноги, на ковер и на тело позади него, чтобы в то же мгновение вспыхнуть столбами беспощадного пламени. Ильдар завыл, теряя от боли и слух и зрение. Он уткнулся в ковер, пряча лицо от жара, размазывая об него слезы, слюну и сопля.

Как же он был прав. Не должны существовать такие твари, никак не должны! Если бы мог, он бы засмеялся. Но вместо

смеха из его горла вырвался только слабый стон. А потом все пропало.

Глава 2.

Леша поймал себя на том, что залипает в раскрытые створки лифта, только когда они с лязгом захлопнулись, отрезая свое залитое дрожащим желтым светом нутро от темноты подъезда. Пять утра, бога ради! До конца его смены было всего три часа! Чертовы ведьмы могли бы убивать себя и днем, в конце концов! Леша крепко зажмурился, вдавил большие пальцы в слезящиеся глаза до белых кругов и тихонько застонал от жалости к себе. Подъездное эхо разнесло его беспомощный скулеж по всей лестничной клетке, сквозь разошедшиеся рамы ему с тихим свистом отозвался ветер. Леша вздохнул и ударил по кнопке вызова еще раз, и створки снова надсадно закрипели, открываясь. Заглянув во внутрь, подозрительно осмотрел пол – неровный, затертый чужими ногами, тот выглядел так, будто в любой момент мог провалиться в шахту, оценил расцарапанные стены, обклеенные рекламами доставок, чуть влажный угол и решил подняться пешком, молясь, чтобы у разбуженных жильцов хватило ума сидеть в своих квартирах и не лезть к нему с вопросами. На втором этаже его облаяла через дверь какая-то визгливая псина, на третьем он едва не пропахал носом лестницу, поскользнувшись на разбитой ступени. На четвертом этаже, рядом с распахнутой настежь дверью его уже ждали двое смут-

но знакомых криминалистов, из тех, что работают с Отделом. Они мрачно курили, привалившись к ободранной стене, стряхивая пепел в банки из-под энергетика. Оба стянули верх своих защитных костюмов, нарушая инструктаж, и выглядели так же бодро, как и Леша. И оба, при его приближении, синхронно бросили на него по взгляду из-под тяжелых, покрасневших век и вернулись к сигаретам. Леша, заражаясь настроением, молча пожал им руки и вопросительно кивнул на раскрытую дверь. В ответ на свою пантомиму он получил неопределенную гримасу и струю дыма в сторону от одного и ленивое подергивание плечами от другого.

– Соседей опрашивали? – деловито уточнил Леша.

Тот, что сидел ближе к лестнице, затушил бычок об крышку банки и сразу же достал новую сигарету. Чиркнул спичкой, подкурил и медленно выдохнул.

– Напротив – никого. Может, уехали на Новый год, а может там и не живет никто. С другими пока не разговаривали, – ответил он и снова затаился, глядя в раскрытую дверь.

А потом ухмыльнулся, покачав головой, будто вспомнив что-то забавное, и сказал, глядя Леше прямо в глаза:

– Тебе надо самому увидеть эту херовину. Сколько рабо-

таю с вашими, никогда такого не встречал.

Леша отвернулся, вздохнул и шагнул за порог.

Квартира встретила его давно знакомой планировкой. Леша раз сто уже в таких бывал, знал такие квартиры вдоль и поперек, и даже снимал какое-то время. Мог точно сказать, сколько шагов от двери до кухни в конце коридора, сколько кафельных плиток умещается на полу туалета и какие планировки у квартир по соседству.

Со стороны кухни на него налетела худая и высокая фигура, в которой Леша узнал Дремина, старшего, и единственного постоянного криминалиста Отдела. Он сразу начал захихивать Лешу в защитный костюм, хлопая по рукам, когда тот стал отбиваться. Ранним утром он был так же помят, как и все остальные, но ярко-голубые глаза его горели диким энтузиазмом, а щеки – нездоровым румянцем. В целом, вид Дремин имел счастливый и совершенно помешанный.

– Там такое, ты не поверишь! Свидетель! – сказал он с придыханием. – Без тебя не трогали, специально дожидались. Хотя руки чешутся еще как! Но я – ни-ни, мне не положено, даже пальцем. Ты знаешь, я к этим вашим магиям не особо чувствителен. Но даже у меня от этой штуки мурашки, – восторженно выдохнул он шепотом Леше на ухо.

Дремин взволнованно запустил пятерню в свои соломенные волосы, растрепав их еще больше, выглядя при этом откровенно довольным для пяти утра и дела включающего в себя с мертвых ведьм. С другой стороны, это ведь Леше, а не ему иметь дело с их живыми эээ... коллегами.

– Штуки? Илья сказал там четыре трупа, – он снова тяжело вздохнул и попытался убедить самого себя в смирении и готовности судьбе.

– Ну и четыре трупа, да. Все – ребяташки из Смольного, Ян уже в офис заявился с утра пораньше, вы, наверное, разминулись.

Леша фыркнул. Разминулись, и славно. Ян был верховным, самым главным колдуном Смольного шабаша и пока что единственным колдуном, которого Леша видел вообще. Он выглядел едва ли старше его самого, носил очки в круглой оправе, брюки со стрелками и какой-то слишком стильный для Лешинога понимания вариант стрижки под горшок. А еще постоянно отвечал вопросом на вопрос, выворачивая каждую фразу так, что она звучала пассивно-агрессивно и оскорбительно одновременно. Разговаривать с ним было совершенно невозможно. Если все ведьмы такие, то неудивительно, что о них дурная слава.

Когда Леша только перевелся в Отдел, он в мечтах рисовал себе приключения в духе популярных ТВ-шоу, где он нуарный коп в стильном плаще, и все сумрачные твари дрожат от его приближения. Но вокруг Леша были сотни километров огромной холодной страны, где большую часть года он таскал на себе пуховик, а сумрачные твари обычно доставляли куда меньше проблем, чем люди. К тому Леше из прошлого, сегодняшней он питал глубокое отвращение, возможно, с тонким налетом сожаления о безвозвратно утраченной наивности. С нуарным копом его роднили разве что недосып и кофеиновая зависимость. За те полтора года, что он проработал в Отделе, ему не встретилось ни одно проклятие, только пара убийств, замаскированные под ритуальные, да вышедшие из-под контроля ведьмовские эксперименты.

Дело в том, что почти семнадцать месяцев назад с ним случилось что-то вроде поворотного момента жизни.

Он просто шел из круглосуточного магазина с банкой кофе и мечтами о хотя бы восьмичасовом сне. После смены в полиции, две трети которой ушло на заполнение рапортов по новой форме, присланной из Управления, а оставшаяся треть на выяснение того, что форма была не та, Леше больше всего на свете хотелось уснуть и проснуться через месяц или два. Дорога его лежала через парк, пустой в поздний час. Теплая майская ночь пахла сладко, предгрозового ветер

приятно обдувал лицо и гонял по асфальту комки тополиного пуха. Леша подумал, что до ливня вполне успеет немного прогуляться и решил пойти длинным путем. Сворачивая с широкой и освещенной дороги на узкую, и не так сильно освещенную, он совсем не ожидал увидеть, как в просвете между деревьями, огромная тварь жует что-то похожее на человека.

Она была больше трех метров в длину и полтора в ширину, непрерывно и бестолково сокращалась на манер кольчатого червя. Леша резко остановился, чиркнув подошвами кроссовок по асфальту, и попятился назад, стараясь не шуметь и не смея оторвать взгляда от того, как пульсируют в рваном ритме надутые бока, как ходят мягкие мышцы под серой шкурой, и как плотно обхватывают чужую шею. Наверное, у него не получилось, наверное, он даже что-то сказал, выдавая себя. А может быть, это и не было важно, и тварь почуяла его как-то иначе, ведь у нее не было ни глаз, ни ушей, но она безошибочно повернулась точно в его сторону. Сам он ничего не слышал из-за грохота пульса у себя в голове, и все что он видел перед глазами, мерцало в том же ритме. Тварь перестала мусолить голову человека в просторном черном худи и рваных джинсах, из-за темноты нельзя было сказать точно, мужчина это или женщина – череп был смят, как консервная банка, из вмятин торчали костяные осколки. Чудовище вытянуло вперед пасть, внутри по кругу усеянную

мелкими зубами, и медленно поползло к Леше. От каждого движения шкура монстра покрывалось глубокими трещинами, ползущими от холки до брюха, расслаивая тело на куски, прямо вдоль мышечных секций, обнажая что-то серое и блестящее от сочащейся слизи. В воздухе, напитанном влажным и пряным запахом молодой еще зелени и пыли, повисло что-то тягучее и тяжелое. Тяжелее грозы и сильнее ливня.

Это ощущение он запомнит навсегда, и еще не раз вспомнит позже, когда будет иметь дело с магией.

Лешу затрясло, его тело выбросило в кровь столько адреналина, что хватило бы добежать до дома на одном дыхании, но он не сделал ни шага. Колени его вмиг сделались мягкими, едва способными держать вес, взгляд заметался между оставленным телом и монстром. Только сейчас он заметил разбросанные вокруг обломки походного столика, скудный свет фонарей осветил какие-то стеклянные осколки и полуманнанные свечи, перемазанные в крови и слизи. Воздух вокруг уплотнился. В голове стало шумно, но пусто. Желудок схватило спазмом, он в панике подумал, насколько будет плохо, если его вывернет прямо здесь.

Леша мог убежать. На самом деле, он очень хотел. Тварь ползла медленно и не смогла бы его догнать. Человеку на земле уже нельзя было помочь, с расплюсченной головой он,

должно быть, был мертв еще до его прихода. Черт знает почему, но Леша не убежал. Вместо этого он тяжело оторвал ногу от земли и шагнул в сторону, уводя тварь за собой. Та с тем же упорством последовала за ним, проминая тяжелым брюхом ветки и мелкую поросль, и увязла между двумя деревьями, растущими слишком близко, чтобы она могла пролезть, дернулась пару раз, в попытке выбраться и окончательно застряла. Передняя ее часть треснула где-то сверху, трещина расплзлась в стороны, разошлась по дрожащим бокам легко, как тонкая бумага от воды. И в следующую секунду вся передняя часть твари, вместе с пастью, полной зубов, отслоилась, отделяясь, и с влажным, тошнотворным звуком обвалилась прямо Леше под ноги, разбиваясь, как, спелый арбуз, обдавая его с ног до головы темно-серыми ошметками и слизью.

Леша дрожащей рукой разблокировал телефон и набрал знакомый до оскомины номер отделения полиции, пытаясь придумать, в каких словах ему описать произошедшее.

Теперь он уже смутно помнил, что наплел тогда диспетчеру, и что ему отвечали. Помнил только то, что вызов все-таки приняли и приехали быстро. Он успел отдышаться только и попытаться дойти на нетвердых ногах до несчастной жертвы твари, чтобы проверить пульс, но на полпути его поймала бритая под двоечку девица в простой черной майке и фор-

менных полицейских брюках, и с силой, которую не заподозришь в таких тонких руках, отвела в сторонку. Леша шел за ней, вяло переставляя ноги и не глядя по сторонам, и сам не заметил, как его усадили на бордюр прямо напротив места происшествия. Девчонка напоследок наклонилась близко, всматриваясь ему в глаза – черты лица у нее были правильные и тонкие, но ускользающие от памяти, а на щеке – детский пластырь с динозаврами. Взгляд постоянно цеплялся за этот пластырь, мешая сосредоточиться и запомнить что-то еще. В закоротивший от адреналинового шока мозг пришла мысль, что она вся была прозрачная, как вода, принимала на себя все цвета, которые ее касались: под фонарем была вся из желтого света, и ежик волос и глаза, а стоило выйти в ночной сумрак – сразу будто потеряла плотность и растаяла в темноте, стоило только моргнуть. Убежала к бригаде, наверное.

Адреналин схлынул, оставив слабость и крупную дрожь. Внезапно оказалось, что вокруг полно народу: люди в одежде судмедэкспертов громко переговариваясь, выгружали из служебных машин какие-то контейнеры, водители махали руками, пытаясь разъехаться на узкой дороге, шипела рация, свет проблесковых маячков лупил Леше прямо по глазам, отдаваясь в голове тем же ритмом, с которым сокращались мышцы на боках у твари, когда она ползла прямо к нему, когда шкура ее трескалась, расслаивая ее на куски... Лешу сно-

ва замутило. Отчего-то где-то на подкорке скреблась мысль с утра первым делом позвонить родителям.

Он сидел на бордюре, весь в слизи неизвестного существа, и пытался уложить в голове самую странную и пугающую вещь, из всех, что случались в его жизни, когда к нему шаткой медвежьей походкой приблизился мужчина в расстегнутом жилете. Вблизи стало ясно – тот был старше Леша лет на пятнадцать и раза в два шире в плечах. Короткая борода его сливалась с усами и начиналась сразу от висков, а рукава рубашки без ворота, закатанные до локтя, открывали края завитка татуировки, запрятанной в светлой поросли. Темные классические брюки со стрелками были прихвачены подтяжками, и Леша так вытаращился на эти подтяжки, что аж вздрогнул, когда мужчина заговорил.

– Майор Федоров Илья Михайлович. Добрый вечер.

Голос его был неожиданно мягким, но было за этой мягкостью что-то такое, с чем Леше не хотелось иметь дело.

– Младший лейтенант Алексей Поляев, – ответил он, пока майор пожимал его вялую руку.

По привычке он поспешил встать, но колени подогнулись, и его начало заваливать назад. Илья подхватил его под руки

и усадил обратно, приговаривая:

– Тшш, тихо, тихо, не вставай. Вот, так, аккуратненько. Сидишь?

Он отвернулся от Лешы и рывкнул в сторону оцепления:

– Варвара!

Тут же откуда-то слева появилась знакомая тонкая рука и вложила Леше в ладони бутылку воды.

Майор Илья – отчество его от нервов позабылось сразу же, как только тот его назвал, заулыбался неведь чему, рассматривая Лешу, подернул свои наглаженные брюки и уселся рядом, вытягивая вперед ноги. Улыбка у него была широкая, но совершенно не затрагивающая круглых глубоко посаженных глаз. Лешу его улыбка нервировала. Было ли это просто обычное неприятие от внимания кого-то выше его по чину или что-то другое, он пока понять не мог.

Илья отвернулся, видимо высмотрев в Леше, что хотел, как-то устало вздохнул, поскреб рыжеватую бороду на подбородке и опять вздохнул. Похлопав себя по карманам, вытащил пачку сигарет и зажигалку в простом металлическом корпусе и, подкурив, затянулся. Сигарета, вспыхнув, на се-

кунду осветила крупные черты его лица, темные синие глаза и глубокую морщину между бровей.

Леша вертел в руках бутылку, рассеянно наблюдая, как свет фонарей дробится в древесных кронах, и глубоко дышал, уговаривая свой желудок успокоиться, а тело не трястись так сильно.

Майор покосился на него.

– Ну ты как? Хорошо? Блевать не будешь? Нет?

Леша не был уверен, но все равно кивнул.

– Ну молодец, молодец, – Илья сочувственно похлопал его по плечу.

Потом, зажав в зубах сигарету, отобрал у Леша бутылку, легко открыл и вручил обратно.

– Держишь? – проследил, чтобы Леша не выронил ее, – Вот и держись. Давай, водички попей. Вот, хорошо.

И снова похлопал по спине.

– Видел зверюгу? – спросил он светским тоном.

Порыв предгрозового ветра бросил в них пыль с тополинным пухом, Леша вздрогнул.

– Видел, – ответил он, разлепив губы.

Илья угукнул чему-то про себя, снова похлопал Лешу по руке, чуть наклонившись к нему, и сказал, приподнимая брови:

– Понимаешь, дорогой, жизнь удивительна и многообразна.

Леша оторвал взгляд от того, как ребята в пластиковых костюмах быстро собирают с земли в неприметные контейнеры то, что осталось от склизкой твари, и посмотрел на Илью. Тот проникновенно посмотрел в ответ, улыбнулся ласково, как буйному пациенту и продолжил:

– Есть в ней место совершенно невероятным на первый взгляд вещам.

Леша молча запил это изречение глотком воды.

– И чем же из ее многообразия было... оно? – спросил он, таким же светским тоном, как будто они обменивались

мнением о погоде. Со старшими по званию он старался так не разговаривать, но меньше часа назад он видел, как огромная непонятная тварь сдавила человеку голову так, что у того лопнул череп, а потом, явно намереваясь сделать тоже самое и с ним, развалилась на куски, забрызгав своими внутренностями. А теперь майор в подтяжках заводит с ним разговоры об удивительном разнообразии жизни. Словом, Леша поддался атмосфере.

Илья снова достал зажигалку, повертел в руке, наблюдая за игрой отсветов на гладких боках, и продолжил:

– Это была химера. Ведьма делала химеру, черт знает для чего и почему именно здесь, да еще и здоровую такую. Делала-делала, а доделать не смогла – силы не хватило. То-то она развалилась вся почти сразу.

Он наклонился, сгребая от бордюра горсть пуха и помял его немного, собирая в комок.

– Ведьма – не ведьма, а тело все равно человеческое. Схватят магии больше, чем им по силам и...

Илья поджег пух и выпустил из пальцев. Тот ярко вспыхнул в полете, волна огня моментально слизала его дочиста, и на асфальт упали только затухающие искры, которые Илья

тут же затоптал.

– Видал? С ведьмами всегда так, самосохранения – ноль. Как до магии дорвутся, сразу башню сносит. И эта тоже, – он махнул рукой туда, где как раз бригада укладывала в машину черный мешок, – и эта тоже себя переоценила. Не знаю, чего она хотела, но в итоге сгорела. Ты, когда ее нашел, она уже мертвая была – кровь от тепла свернулась.

– Ведьма. Сгорела, – повторил Леша ломким голосом и закашлялся, заваливаясь назад.

– Как есть сгорела, – подтвердил Илья, мягко поймав и усаживая обратно на бордюр. – Ну чего ты, чего, расклеился что ли? Эх тебя из-за магии раскорячило. Ну ничего, ничего, подыши, давай, родной, подыши, сейчас отпустит, – пообещал он, и добавил чуть погодя:

– А как ты зверюгу поймал между деревьев, а? Ну чисто стратег! Ты ведь не встречал их раньше? Ну конечно не встречал. И не растерялся же!..

Леша его едва слышал. Ведьма с химерой. Не сбежавший из секретной лаборатории эксперимент, не затяжная галлюцинация из-за утечки токсичного газа, а магия. Леша присосался к бутылке, разом выхлебав половину и задумался.

– А вы майор какого такого рода? – спросил он, наконец.

– Отдел надзора экологической безопасности и контроля популяций опасных видов, – Илья криво усмехнулся. – Но все, кто в курсе, называют нас просто Отдел.

– И что, эти... опасные виды не против надзора? – остро-рожно поинтересовался Леша.

– У Отдела есть... инструменты – уклончиво ответил Илья и продолжил, видя, что Лешу это не впечатлило. Он поднял руку и обвел все вокруг неопределенным жестом:

– Это особенная земля, не только для людей, и не только для тех, кто жив.

В глубине его глаз, пристально глядящих на Лешу, появилась какая-то тень, тяжелая и неприятная настолько, что он трусливо отвел взгляд, предпочитая лучше разглядывать асфальт, чем провести еще секунду вглядываясь в ее глубину. Майор или не заметил это, или предпочел сделать вид.

– Взять хотя бы ведьм, между <i>ними</i> и <i>нами</i>, – последние слова он выделил, понизив голос, – есть черта, куда глубже, чем слова и названия. Хоть они и опре-

деленно живы, – Илья прервался на секунду, чтобы состро-
ить сложную гримасу.

– Огонь магии, который в них горит, и которым они сами
себя сжигают, делает их не способными ни к миру, ни к по-
кою. Чтобы они ни делали, и чего бы о себе не думали, при-
рода все равно будет толкать их на конфликты и разрушение.
Магия поджигает их кровь и вынуждает проливать чужую.

Он немного помолчал, всматриваясь, будто припоминая
что-то невеселое.

– Черта между нашими жизнями и делами была прочер-
чена очень давно, еще до того, как построили первую город-
скую стену. Мы не вмешиваемся в их разборки друг с дру-
гом, пока эта черта не будет пересечена, до тех пор, пока ря-
дом с ними, из-за них, не пострададут люди. Мы не борцы
со сверхъестественными силами, если ты это так понял. Мы
не рыщем по подвалам и чердакам в поисках оживших мерт-
вецов, чтобы упокоить их души, не зачищаем вампирские
гнезда, не снимаем проклятия. Может, будь мы в любом дру-
гом городе, мы бы занимались чем-то таким, но здесь этого
не нужно. Здесь, в этом городе, у ведьм что-то типа... само-
регуляции. И если так вышло, что по вине какой-то ведьмы
страдают люди, мы, Отдел, должны наказать всех ведьм. Мы
просто... такое ведомство.

От манеры, с которой все это было сказано, и от пристального немигающего взгляда, Лешу в который раз передернуло. Он не мог представить, как человек мог наказать ведьму, и какие такие инструменты Илья мог иметь в виду, но Леше и без конкретики было не по себе. Тон сказанного не оставлял сомнений, он сам того не желая, поверил в каждое слово. Потому, что была воздухе особая тяжесть, непонятная, зудящая, невыразимая простыми словами. Которая ощущалась сразу, и снаружи, и внутри, из-за которой Леша поверил во все это еще до того, как Илья рассказал.

Майор был странным. Улыбался он широко, но как-то пусто, и дружелюбие его отдавало чем-то жутким, а зрачки – как колodцы, из которых нечто будто наблюдало и оценивало. А еще майор подозрительно подробно рассказывал невероятные вещи прямо после того, как Леша с этими невероятными вещами столкнулся. Это вело к довольно однозначному выводу, который стоило проверить.

– Мне нужна демонстрация, раз это магия, – заявил он.

Илья пожал плечами и снова позвал:

– Варвара!

В длинной его тени вспыхнули две искры, темнота дрог-

нула, выросла вверх и сгустилась той самой стриженной девочкой, которая увела Лешу от трупа и дала ему воду. Она сложила руки за спиной и уставилась на него, как ни в чем не бывало. Леша чудом не взвизгнул от неожиданности, как собачья игрушка-пищалка, и очень гордился собой. Настолько, что, припомнив все когда-либо прочитанное фэнтези, решил пойти ва-банк:

– Вы меня вербуете.

Илья поднял бровь.

– А если я не соглашусь, то мистическим образом забуду о нашем разговоре?

Илья поднял бровь еще выше, но не стал ничего отрицать.

– Там ведьмы и эти ваши опасные виды. Я хочу надбавку за условия повышенной опасности.

– Обойдешься уральским коэффициентом, – фыркнул Илья.

Леша расплылся в глупой ухмылке. Все это было совсем неожиданно, немного жутко, но одновременно с этим, это было самое интересное, что случалось с ним жизни. Варвара

рядом молча смотрела на него с плохо скрытым скепсисом.

– Почему я? – решился он, наконец, задать вопрос.

Ему до смерти было интересно, по каким критериям проходит отбор. Их разговор с майором длился не больше двадцати минут, но за такое короткое время тот решил, что Леша достоин. И как всякому достойному, ему хотелось услышать, в чем же он такой особенный.

– Меня очень впечатлило, что ты не блевал. Нам такие нужны.

Весна эта, казалось, была так давно, что почти в прошлой жизни. Пролилась с дождями в лето, а то отгремело сухими грозами, сгорело, как сгорает травяная зелень под солнцем, и скатилось в осенний туман, а туман этот снегом осел на всем до чего смог дотянуться. И теперь, посреди зимы, эта далекая весна и короткое лето вспоминались настолько далекими, что кажется, и не было их вовсе. Как полузабытый сон, наспех запомненный и рассказанный случайному собеседнику в ночном чате. Все это время Леша нет-нет, да вспоминал ответ начальства, в тайне все же надеясь, что впечатлил его чем-то более значительным, чем крепкий желудок, но переспрашивать не стал – Илья не из тех, кто разъясняет. Он вообще был то ли совсем обделен педагогическим талан-

том, то ли следовал какому-то своему внутреннему дао, поэтому любую информацию выдавал в форме каких-то тезисов, выводы из которых Леше был должен сделать сам. Вот тебе «а», вот тебе «б», а что между ними догадайся сам. Такой подход категорически не нравился Леше. Он, как ребенок, воспитанный скоростным интернетом, желал получать все ответы сразу и максимум на что был готов – это заглянуть на вторую страницу поиска, а не строить неясные догадки. К сожалению, весь сумрачный мир города в целом, и Отдел в частности существовали в каком-то туманном измерении, законы которого Леша постичь пока не мог. Илья еще в самом начале выдал ему несколько методичек, вместивших на своих кривовато сверстанных страницах все, что Отделу удалось узнать о существах. Леша прочел их за сутки. Дальше был архив, не слишком большой, чтобы его хватило надолго. Он растягивал этот архив, как мог, аккуратно перекладывал хрупкие, пожелтевшие от времени листы с неровными машинописными строчками, внимательно и подолгу вчитывался в каждую, но стопки сгоревших от перерасхода сил ведьм и их территориальных споров неумолимо подходили к концу, и грозились закончиться еще до первой оттепели.

И сейчас, перебирая в уме то, что он уже успел узнать, Леша гадал, что ж такого особенного ждало его за дверями, раз впечатлило даже его коллег.

В комнате пахло сладкими духами и кровью. Стоило только переступить порог, как на плечи легла невидимая теплая тяжесть, и на секунду потемнело в глазах. Тень под ногами дрогнула и рассыпалась по полу, стрелка часов на руке пропустила, не отсчитав, секунду. Леша тяжело сглотнул, переживая уже знакомые симптомы присутствия магии. Он остановился на секунду, чтобы подышать ртом, пережидая самые первые болезненные спазмы, и, наконец, оглянулся.

Комната представляла совершенный хаос. Вся мебель была составлена к стене, освобождая место в центре. В свободном углу кто-то аккуратно вытащил из-под плинтуса кусок линолеума, на его обратной стороне, белой и мягкой, был углем нацарапан простой круг. Рядом с ним, прислонившись к стене, сидела девочка лет пятнадцати. Ее длинные рыжие волосы разметались по голым рукам, а на стене, вокруг головы, кровавой короной подсыхали мелкие брызги. Расслабленные руки, перепачканные черным, безвольно раскинулись по сторонам, неловко согнутые в локтях. Леша медленно подошел и заглянул ей за спину – вместо затылка у девочки было месиво из волос и осколков кости. На полу, в натекшей из раны крови плавал ее разбитый телефон. Рядом с рыжей, в изломанных позах вытянулись два парня, не то близнецы, не то просто очень похожие, примерно того же возраста. Один из них мертвой хваткой сжимал большой канцелярский нож. На большой, сдвинутой в дальний

угол кровати, посреди беспорядка из одежды, покрывала и одеял, лицом вниз лежала темноволосая девушка. Леша подошел к ней и осторожно убрал с лица налипшие пряди, открывая глаза: широко распахнутый правый, с сузившимся от боли зрачком, почти незаметным на фоне темной радужки, и левый – с торчащим из него горлышком бутылки. Из раскрытого в безмолвном крике рта, натекла слюна, оставив на простыни темные следы.

Больше в комнате никого не было.

За стеной вполголоса переговаривались ребята, ходили по узкому коридору, скрипя половицами, едва слышно себе под нос бормотал Дремин, собирая образцы. Леша отвлекся на них и потерял концентрацию, сбиваясь с ритма дыхания. Сразу же перед глазами потемнело, голоса за стенкой слились в едва различимый шелест – ни слова не разобрать, только размеренные интонации, как морской волной омывали сознание. Леша гулко сглотнул и крепче сжал кулак в кармане куртки – от приторного запаха кружилась голова.

Магии вокруг было так много, будто в комнате все еще кто-то колдовал, прямо в эту секунду.

Он зажмурился, с силой сдавил переносицу, медленно сосчитал от одного до пяти, затем еще раз в обратном направ-

лении, и открыл глаза. Старательно избегая натекающую кровь и мусор, он вышел на середину комнаты и еще раз осмотрелся вокруг. Люстра в шесть рожков беспощадно заливала всю комнату злым и холодным светом. Спасаясь от этого света или от чего-то другого, тонкие тени беспокойно жались к углам и забивались в щели, складки и под мебель, и там шептались испуганным роем. За оконным стеклом стояло ранее зимнее утро, и в его непроницаемой черноте, как в зеркале, отражалась вся комната, и сам Леша. Все то же самое, только будто вырванное из какой-то другой реальности и подвешенное в пустоте. Леша, на секунду забывшись, замороженно скользил взглядом по нечетким контурам, пока не наткнулся на свое собственное отражение и сперва даже дернулся, не узнав себя. У его законного двойника была напряженная, готовая к атаке поза и густые тени на месте глаз. Сам не зная зачем, он несколько секунд вглядывался в эту темноту, прежде чем отвернуться.

В ушах звенело, тонко и противно. Ощущение неясной опасности от чужого присутствия скользяще огладило по спине от крестца до затылка, напоследок кольнув в основание шеи. Кто-то в комнате наблюдал за ним. Инстинкты требовали бежать, но вместо этого он начал медленно поворачиваться вслед за этим ощущением, пытаясь определить, откуда оно идет.

– Младший лейтенант Алексей Поляев, Отдел надзора экологической безопасности и контролю популяций опасных видов. Прими видимую форму и назовись! – скомандовал он наугад куда-то вверх.

Со стороны угла, где чернел угольный круг, раздался короткий скрипучий смешок.

– Я буду для тебя кем захочешь, лапуля, только скажи.

Звук точно шел из круга.

– Прими видимую форму и назовись! – повторил он настойчивее.

– А как бы тебе хотелось меня называть? Я люблю, когда меня называют ласковыми именами и гладят по голове. Наверное. Мне бы понравилось, будь у меня голова, но вообще это не обязательно.

Леша замешкался. Это действительно не было похоже ни на что, ранее известное Отделу. А магией от этой штуки фонило так, что у Лешки то и дело в глазах темнело, и сердце колотилось, как будто хотело сбежать из груди.

В дверях появился довольный Дремин.

– Ну как, познакомились?

– Мой первый младший лейтенант не очень разговорчив, – пожаловался голос, – дайте другого.

В висках у Леша заломило, стены сдавили со всех сторон, и комната разом будто стала меньше. Сцепив зубы, он крепко прижал пальцы к зажмуренным векам и медленно процедил:

– Прими форму, назови свое имя!

– Покажи мне свой, и я покажу тебе свой, сладушка.

Дремин фыркнул, потирая виски.

– Ничего так шарашит, да? Не знаю даже от чего больше: от магии или от болтовни, – поделился он.

Леша решил, что с него хватит. Он выпрямился, потягиваясь, так что хрустнул позвоночник и устало размял шею.

– Единственный свидетель отказывается сотрудничать со следствием, – сообщил он Дремину, кивнул и стремительно вышел из комнаты под его озадаченным взглядом.

– Он такой темпераментный, мне нравится, – проскрипело ему вслед.

Младший лейтенант Поляев предпочел не слушать, он раздраженно и шумно переворачивал кухонные ящики, с грохотом выдвигая их и задвигая обратно, пока не нашел большие ножницы. Затем вернулся в комнату и подхватил с туалетного столика флакон лака для волос, и в тишине принялся заливать лаком нарисованный углем круг.

– Роскошно получается, – осторожно заметил Дремин, поглядывая на сосредоточенного Лешу. – Ну ты тут э... заканчивай, а нам еще с трупами заниматься, – пробормотал он и исчез за дверью.

Тот хмыкнул, не отрываясь от заливания круга лаком для волос – лак оказался с блестками.

В кармане завибрировал телефон, и Леша поспешил ответить.

– Что свидетель? Видел что-то? – с места в карьер начал Илья.

– И вам доброе утро. Свидетель удивителен даже среди многообразия, – Леша не удержался. – Очень разговорчивый

и очень бестелесный. Вам понравится.

– О как. Тащи его сюда, – проговорил Илья после короткого молчания и отключился.

Леша фыркнул в ответ гудкам и, аккуратно примерившись, принялся отрезать сверкающий блестками кусок.

– Эй! Ты чего творишь! Это похищение! Да что же творится, граждане? Ты даже не спросил мое стоп-слово!

Закончив, он осторожно потрогал пальцем за внешней границей пентаграммы, проверяя подсох ли лак, и скатал кусок в рулон.

Распрощавшись со всеми ребятами, он содрал с себя шуршащий защитный костюм и кое-как запихнул в него норовящий развернуться линолеум. Тот верещал не переставая, пока Леша спускался по пустой лестнице, и замолчал только оказавшись на морозе. В небе, все еще непроницаемо черном, не светило ни одной звезды, а от порывов холодного ветра слезились глаза. Леша на секунду замер наблюдая, как в окнах соседних домов зажигается свет, негромко тарахтят машины, прогревая двигатели. Около подъезда уже перемигивались маячками труповозка и служебный Патриот, за рулем которого его ждала Варвара, что было очень кстати. Вокруг машин толпились ранние любопытствующие, забра-

сывая вопросами. Леша торопливо протиснулся мимо них, стремясь побыстрее очутиться в тепле. Варвара молча кивнула ему в приветствии, смерила сверток долгим взглядом и мягко тронулась. Даже спустя полтора года она все еще почти не разговаривала с ним, по пятам ходила за Ильей, и так же молча выполняла все его приказы, даже самые странные. Она всегда была в курсе всего, появлялась по первому зову и мгновенно исчезала, стоило моргнуть. Леша так и не понял, кто она такая, но всякий раз наедине с ней чувствовал какую-то смутную тревогу, как будто стоял на пороге светлой комнаты и смотрел на длинный коридор, конец которого исчезает в темноте. Как Илья мог терпеть это ощущение постоянно, он не понимал.

Зато свидетеля, кажется, ничего не смущало. Он быстро оттаял в тепле и снова принялся трепаться, в это раз на каком-то непонятном языке. Машина тихо катилась по улицам, залитым предпраздничным неоном, незнакомые слова складывались в размеренный, убаюкивающий ритм, и Леша позволил себе соскользнуть в ленивую полудрему, сквозь ресницы наблюдая, как проносятся мимо горящие вывески и голые деревья, высвеченные придорожными фонарями. Спать хотелось просто невыносимо.

Глава 3.

Доставщик еды тарасился, как будто она вышла к нему прямо из костра. Впрочем, подумала Яра, досадливо морщась, пока выгребала из карманов мелочь, чтобы отдать ему без сдачи, так она и выглядела. И так же пахла. Второпях наброшенное пальто не могло скрыть ни измазанное в саже и крови лицо, ни бурые пятна на платье. Яра возвышалась над бедным парнем почти на две головы, он дышал через раз и вытягивал шею, пытаясь одновременно рассмотреть тот горелый ужас, в который превратился ее дом, и не выпустить из вида ее руки. А когда она потянулась к внутреннему карману, вовсе дернулся в сторону и тут же смутился своей реакции. Бормоча что-то извинительное, быстро схватил протянутые деньги, стараясь не коснуться ее лишний раз, и, отрывисто кивнув на прощание, бросился вниз по лестнице.

Яра проводила его безразличным взглядом, все равно этот парень забудет о том, что видел, раньше, чем дойдет до конца улицы. В конце концов, только те из людей, кто видел Договор, могли помнить о увиденном волшебстве и обо всем, что с ним связано. И пожар в доме, и сама Яра, все еще насквозь пропитанная горячей магией, были как раз таким случаем, поэтому вряд ли стоило волноваться на этот счет. А Договор, насколько Яра знала, находился в здании Отдела с тех пор,

как это здание построили, и увидеть его могли только те, кого Отдел специально одобрил. Едва ли парень из доставки был таковым. Уж они-то обычно не такие нервные. Или нет? Ей внезапно стало интересно. Вдруг с новым начальником Отдел стал работать быстрее и умнее? Вдруг они узнали, что произошло ночью, и догадались прислать разведку?

Хихикнув, она осталась на крыльце, чтобы проверить.

Доставщик остановился, дойдя до перекрестка, оглянулся, потом решительно достал из кармана телефон, пару секунд посмотрел на него, и, убрав обратно, как ни в чем не бывало зашагал дальше.

Яра мрачно ухмыльнулась и поспешила в дом, одной рукой придерживая объемный пакет, а другую на ходу запустила в его теплое, кружащее голову ароматами мяса и сыра нутро, вытащила кусок пирога и тут же надкусила круглый бок. На языке взорвался вкус говяжьего фарша, присыпанного стружкой сулугуни, и это, абсолютно точно, стало самым приятным моментом за последние сутки.

Родные стены ее встретили неласково. Первый этаж выгорел почти полностью, в разбитых окнах гулял ветер, разгоняя запах гари. Лестница скрипела, грозя обвалиться, и сыпала пылью от каждого шага. Дом стремительно вымер-

зал, стены и пол на первом этаже уже схватились инеем, но Яру это не беспокоило. Стены можно будет отстроить заново. Вставить окна, наладить отопление, разобраться с электричеством и вернуть дому жилой вид можно будет потом, сейчас это все совершенно не важно. Ночью, после того, как она закончила с Ильдаром, Яра поспешила вернуться в договаривающийся дом. С опаской, неуверенно переступая на шатких от усталости ногах, она вошла в отцовский кабинет, только чтобы обнаружить его пустым. Кресло, залитое кровью, стояло на месте, но тела в нем уже не было.

Все это совершенно сбивало с толку и отвлекало от главной проблемы. У Яры совсем, совсем не осталось времени. Если к утру о том, что один из трех верховных исчез, могли знать только двое оставшихся, Ян и старуха, то через сутки об этом станет известно всем ведьмам в городе. Падение шабаша и освободившийся разрыв в *изнанке* – это определенно не то, что можно долго скрывать.

Яра чувствовала, будто прямо на нее несется буря. А она стоит и смотрит, как с каждой секундой буря пожирает пространство между ними и время для спасения. Яре бежать некуда, да и времени в обрез, всего-то до вечера. А потом кто-нибудь, Ян или кто-то из старухиных секретарей, пошлют в Отдел официальный запрос о созыве Городского Совета. Как только дата будет назначена, абсолютно все, спо-

собные удержать в себе хоть каплю магии, попытаются захватить разрыв. Хорошо, что Ян или старуха им не позволят, у каждого из них наверняка на такой случай заготовлено по списку кандидатов. Плохо – потому, что Яры не будет ни в одном из них.

Если она в ближайшее время не найдет способ оставить разрыв себе и обезопасить его от всех остальных, то останется единственной в городе ведьмой без шабаша и без магии.

Яра прислонилась лбом к оконному стеклу, остужая горячий лоб, и задумчиво откусила еще один кусок пирога. Побег Феде не мог быть ничем иным, кроме ужасного недоразумения. И как только он узнает, что отца нет, а Яра осталась одна, он сразу же вернется. Но это только если у нее будет разрыв в *изнанке*. Без него она просто ведьма и по негласному закону обязана либо войти в любой другой шабаш, либо покинуть город. Яра фыркнула в стекло, скривив губы, и магия внутри ее вен согласно вспыхнула, обдав жаром: и то, и другое – абсолютно, совершенно неприемлемо. С тех самых пор, как город существует, все ведьмы, живущие в нем, должны состоять в шабаше. Этого правила не было в Договоре, его придумала старуха давным-давно, еще когда других шабашей, кроме ее, не было. И с тех пор его неукоснительно соблюдали, уж слишком удобным оно оказалось для верховных.

Яра проглотила последний кусок и вытерла пальцы о платье – все равно оно испорчено. Пора было браться за работу. Руки ее тряслись от внутреннего напряжения и от спешки, ни горячие пироги, ни магия не могли заставить исчезнуть холодную пустоту в солнечном сплетении. Яра чувствовала, что опаздывает, и ничего не могла сделать с этим ощущением.

Все утро она потратила, чтобы найти и перетащить через реку, к опушке, все, что осталось от отряда Ильдара. И почти весь день ушел на то, чтобы перерыть отцовский кабинет в поисках полезных подсказок. Она как смогла, при помощи магии, чистящего средства и ругани очистила кресло и пол вокруг него, и теперь в кабинете пахло одновременно грозой, аварией на линии производства растворителя и немножко свежестью альпийских лугов.

Что бы кто ни думал, чего бы Ильдар и его люди ни ожидали найти в доме, но никакой особой секретной библиотеки с книгами заклинаний в доме Бажовых не было. А если такова и была, то Яра никогда ее не видела. Все, что так или иначе относилось к магии, отец хранил в своем кабинете. И если существовал какой-то способ ей помочь, то искать стоило только здесь. В поисках тайников она вывалила на пол и потрясла все книги из шкафов, обстучала и рассмотрела

каждую доску и каждую декоративную панель в поисках подходящих символов или следов магических замков. Но смогла найти только полупустую бутылку из красного стекла в нише под подоконником и крошечную рюмку из стекла, глазурированного причудливым орнаментом. Внутри бутылки, наполовину растворившись в чем-то вязком, похожем на мед, плавала большая экзотическая сороконожка. Яра поставила ее туда, откуда взяла и досадливо облизала липкие пальцы. А после занялась столом.

Несчетное количество ящичков выглядело многообещающе. Некоторые из них ей удалось открыть, но к большинству она даже не знала, как подступиться. Они не отпирались ни силой, ни известным Яре волшебством.

Наконец, с помощью ножниц и ножа для бумаги у нее получилось расшатать небольшой ящичек почти под самой столешницей. Она налегла чуть сильнее, что-то хрустнуло, и передняя стенка отлетела на пол. Из темных недр, пропахших чабрецом и пожелтевшей от времени бумагой, ее обдало густым облаком пыли, заставив расчихаться до звона в ушах. В самом ящичке не оказалось ничего интересного: старые заметки с игровым счетом, списки дел, карты города с непонятными отметками, пейзажные зарисовки леса и берега реки. Ничего, что могло бы помочь. С возрастающим раздражением Яра вслепую запустила руку в ящичек размером чуть

больше спичечного коробка, и вытащила огромный, кованый позеленевшей медью сундук. Крышка его была холодной и чуть влажной, а внутри обнаружился целый ворох старинных платьев из белого муслина, расшитых розовым кварцем, хрусталем и речным жемчугом, обложенных лавандой, такой старой, что она рассыпалась в пыль от прикосновения. А за другим, точь-в-точь как из обычной офисной тумбы, Яра нашла крошечный погребок на пятнадцать бутылок без признаков этикеток, зато с пробками, залитыми темно-красным сургучом. Все они теперь выстроились вдоль стены, как часовые на посту ее возрастающего отчаяния. Первую из них она открыла сразу же, сломав сургуч об ножку стола. Вино оказалось сладковатым и очень терпким, она пила его прямо из горла, пачкаясь в пыли, но в любом случае, не собиралась жаловаться.

К середине второй бутылки мало что изменилось. Ящичков было так много, а времени так мало, Яре бы и трех дней не хватило, чтобы проверить их все. Яра как раз собиралась в порыве бессмысленной ярости пнуть стол, и подробнее изучить, что там такого особенного охраняла в своей бутылки экзотическая сороконожка, но внезапно прикипела взглядом к небольшому ящичку, как раз над тем, что она недавно взломала. Ничем не примечательный – не заметишь, если не наткнешься случайно, ящик легко открылся и был пуст, а на его черной лакированный дверце не было ничего, кроме

аккуратно нацарапанного колослова. Четырежды вписанное само в себя по кругу слово, его легко принять за узор, если не знать, как читать. Это волшебство Яра знала: на один предмет наносили узор – «замок», а на другой предмет – «ключ», и только этот ключ мог открыть тот замок, пока не кончится магия, вложенной в рисунок. Этот колослов был мертв, магия давно ушла из него, но...

Яра быстро заморгала, переводя взгляд на зарисовки с лесной опушкой, разлетевшиеся по всему полу, и глубоко задышала, переживая озарение.

Все в городе знали, что разрыв Бажова шабаша находился в лесу, и этот лес не просто множество деревьев, растущих рядом на речном берегу. Точнее, он как раз такой, а еще любой другой, и все они вместе взятые. Каждый лист и каждая иголочка в нем дышала магией. *Изнанка* плескалась в его глубине ленивым прибоем из едва слышного шелеста и тумана, смешивая времена и сны, делая явью небыль, рождая созданий, невозможных в любом другом месте, кроме этого леса. Про этот лес можно рассказывать любые сказки, и все они будут правдой: что в лесу этом тропинки из фиалок приводят к замку людоеда, что из этого леса на опушку выходит девочка из чистого снега, с глазами как льдинки на солнце и с румянцем ярким, как грудки снегурочек, что деревья в нем дали тело для тысячи идолов, а земля стала братской моги-

лой для тысяч костей и тел. Люди жгли его столько раз, что не счесть, но какое ему дело до людей? Он горел, а потом уводил их детей в свои чащи, прорастал на руинах их домов, и прах их питал его корни, а кровь их удобряла его землю. Лес этот был бесконечен, если идти к нему через реку, по старому деревянному мосту, и был не шире лесопосадки в городской черте, если пытаться попасть в него каким-либо другим способом.

Он был Лес – отец всем лесам. Очень легко заблудиться в его одинаковых тропах, пропасть в болотах, увидеть то, что украдет твою душу, зацепит и как паутину наматывает на тонкие ветки, запутает в еловых лапах – будешь бродить, пока не упадешь. Или вынесут тебя ноги на опушку, по мосту, на другой берег, где костры горят, и дым густой вьется высоко, чтобы из лесу видно было, посмотрят люди тебе в глаза, и будет там пусто и темно, как в колодце. А все, что было внутри, навсегда останется между высоких стволов, стелиться по опавшей хвое, ветви качать и тревожить травы.

Чтобы войти в Лес и вернуться обратно, нужно соблюдать правила.

«Зажигай костры». Потому что там, на другом берегу, под обманчиво безобидной тенью Леса легко забыть, что он из себя представляет, как хитер и изменчив он может быть, а

огонь – живой и горячий, его даже не видя учуять можно, если вслушиваться и искать. И если не заходить глубоко в чашу.

«Не сходи с тропы». Кто бы ни звал тебя знакомым голо-сом. Какие бы видения Лес ни посылал тебе, это все ложь. Сойдешь с тропы, и сладкое видение обернется чудовищем. Снимет с тебя кожу и наденет на себя, обглодает кости и украдет твой голос, чтобы позвать им кого-то другого.

«Возвращайся до темноты». Потому что ночью в Лесу не работают никакие правила.

Лес – страшное место, колдовское, а законы, по которым он существуют – странные, изменчивые и скорее всего совсем не такие, как их понимают ведьмы. Яре должно быть страшно, но времени так мало, так ужасно мало, что она буквально чувствует, будто бежит со всех ног над бездной по узкой дороге, а та крошится прямо под ногами и обваливается в темную пустоту, все вокруг дрожит, и ход времени в ее голове отсчитывает каждую потерянную секунду оглушающе и гулко. *Тик-так.*

Поэтому долго она не думает. Она хватает нож для бумаги и тонкий маркер, которым помечала просмотренные ящики, и выбегает из дома, скользя по наледи, то и дело спотыка-

ясь из-за спешки и слабости в коленях. Старое дерево моста скрипит под ее неровными шагами, будто пытаюсь предостеречь, но разве может она сейчас остановиться?

Яра останавливается только перед кромкой леса и, оцарапав щеку, почти падает на ближайшее к мосту дерево. Тяжело пытается отдышаться, подставляя лицо морозному ветру и, потянувшись к разрыву в глубине Леса, вдыхает магию, как воздух. В горле ее от мороза и быстрого бега застрял привкус крови, горький и кислый, но магия сжигает его без следа, сразу же давая в голову.

Сперва Яра рисует колослов маркером. Левая рука не очень-то ее слушается, и ровно получается не сразу. Она трет пальцем кривые несимметричные линии и рисует снова, пока каждое из четырех слов не станет идеальным отражением других. Кожа на тыльной стороне ладони тонкая, от напряжения под ней выступают кости и вены, Яра боится, что порежет их, но знает, что зря – магия в ней теперь течет непрерывным потоком, прямо из разрыва, и залечит любую рану, кроме вырезанного узора. Нож все еще достаточно острый, чтобы легко рассечь кожу. Из-под него каждый надрез ложится на свое место, буквы послушно встают одна к другой, будто петли в вязании. Яра нарочно делает узор самым простым, «ключ» читается почти легко для привычного глаза, когда она снегом стирает набежавшую кровь. Потом неудоб-

но разворачивается, прислоняясь лбом к стволу осины, на которую все это время опиралась, и делает первый надрез на коре. Из раны постоянно течет кровь и капает на снег внизу, мажет осиновый ствол, из-за нее ручка ножа скользит в пальцах, но Яра пока не чувствует боли, только зимний холод и жар магии. Над головой тяжелое светло-серое небо, а вокруг только белый снег и белые стволы.

«Странно, куда делись ели, Лес всегда начинался с ельника» – мелькает в ее голове заполошенная мысль.

Кровь, такая яркая и красная жалит глаза, все плывет, будто в дымке, и темнеет по краям. Яра режет, с силой нажимает на нож, проводит одну линию по несколько раз, чтобы рисунок был глубже и четче, чтобы каждую букву в слове «замок» было видно издалека, еще с моста, чтобы всем, кто придет за *изнанкой* и за Лесом, было ясно, что они опоздали.

Яра вынимает нож из коры и ждет. Она держит окровавленную ладонь прямо на дереве, прижимает прямо в центр колослова и дергает за разрыв в *изнанке* со всей силы, хватается его крепко всей своей волей и тянет на себя, пока магия не потечет по ней как ручей. Ничего не происходит, и в первую секунду ее ударяет паника, руки обессиленно падают, и сама она, кажется, вот-вот упадет в испачканный красным снегом.

«Замок» перед ее глазами расплывается, она смахивает глупые бесполезные слезы, а в следующую секунду в голове ее взрывается что-то большое и злое, мир падает и сжимается.

Яру трясет от нервов и холода, хотя вены ее полны не крови, а магии, и она ощущается лавой в самом сердце земли, плавленным золотом, стеклом, и жидким, и острым, и невыносимым. Восемь лепестков волшебного узора накладываются друг на друга и сворачиваются в бутоны, прожигают ей роговицу под веками и разворачиваются во фракталы, во всю ширь ее сознания, так далеко, как она никогда не смогла бы вообразить. Ее опрокидывает в Лес разом, без всплеска, только круги разбегаются в месте ее падения. В земле, под настилом из травы и сухой листвы лежат кости животных и кости людей, чутко прислушиваются, не свернет ли кто ступы, не наступит ли кто на них, чтобы, когда солнце опустится за горизонт, вылезти из земли, собрать на себя что было обглодано, растащено, украдено, и украсть у другого, еще живого и теплого. Корни сосут из земли жизнь и магию, и то и другое бьется в каждом и во всех, как сердце и как прибой; и одной волной на другую, внахлест сбегает по земле туман, который и не туман-то вовсе, а в нем, по нему, из *изнанки*, толчками вытекает ничто и становится всем.

Лес выталкивает Яру с размаху и бьет об реальность, ки-

дая на снег, где ее хватает только на то, чтобы смотреть в темнеющее небо и дышать.

Леша открыл отчет, пролистал вниз до конца документа и закрыл. Потом открыл снова – ничего не изменилось. Он прочел его уже не меньше десяти раз, выучил почти наизусть, а маленькие мертвые колдуны все еще не спешили порадовать его озарением. Вздохнув, Леша открыл отчет снова.

Детишки начали собираться к восьми вечера: кто-то из ребят ошибся с домофоном, и соседка этажом ниже сказала, что это было примерно в восемь. В десять они сделали заказ в пиццерии на соседней улице, оператор которой любезно предоставил Леше детали заказа: «Две четыре сыра на тонком тесте, две пеперони и грибную без лука, оливок можно поменьше, спасибо, три сырных соуса и три чесночных, скидка по промокоду». Заказ доставили без десяти одиннадцать, один из близнецов расплатился наличными. Курьер подтвердил, что видел всех четверых живыми. Примерно без пяти одиннадцать он с ними распрощался и поехал с заказами дальше.

У Дремина отчет по вскрытию тоже был немногословным: все четверо умерли еще до полуночи от остановки сердца, успев перед этим наглотаться какой-то безумной смеси из вина, свиной крови и бумажного пепла. Незадолго до смерти обе девочки занимались незащищенным сексом. И, если верить Варваре, осмотревшей их уже в морге, ни в ком из них не было ни капли магии. А уж она, сама являясь какой-то колдовской тварью, всегда чуяла магию лучше всех в Отделе. Сам он на месте, в той квартире, даже не заметил, что дети были пустыми – так много магии висело в воздухе, сбивая с толку, явно больше, чем могли бы похвастаться четыре подростка.

Вот, собственно, и все. Болтливую находку в куске линолеума коллективным решением было принято отнести к свидетелям, хоть и свидетельских показаний от него пока получить не удалось. Линолеум, кстати, Леша не видел уже дня два, с тех самых пор, как приехав с места происшествия, сдал туго скрученного на руки Илье, который вцепился в него, как охотничий пес в добычу, и не появлялся никому на глаза до сегодняшнего утра.

Этим утром он с Ильей в почти торжественной обстановке стоял в приемном зале морга, отчаянно желая оказаться в любом другом месте. Ян тоже был здесь, бледнее и злее,

чем обычно. В остальном он выглядел так же, как и всегда, надменно и стильно, разве что сильнее обозначились тени под его глазами и угол челюсти стал чуть острее. Он мрачно молчал, наблюдая, как один за другим на середину зала вывозят накрытые простынями столы.

Дремин распустил санитаров и сам привез последнюю каталку с телом рыжей девочки, поставив первой в ряду. В ярком свете ламп из-за горящих пожаром волос и кожи, неестественно светлой, почти жемчужно-серой, она казалась куклой. В квартире, когда Леша осматривал место их смерти, это не так бросалось в глаза. Теперь же, под лампами морга, с анатомическим швом под ключицами и накрытая простыней, она выглядела тем, чем и являлась – пустым предметом. Чем-то, что только имеет форму человека, но давно им не является. И все равно Леша старательно смотрел, как дрожат блики в ее волосах, только чтобы не смотреть на Яна. Было что-то неправильное в том, чтобы видеть, как он медленно обходит столы с мертвыми подростками. Каблуки его ботинок стучали по кафелю и ярко блестела лаковая кожа, полы темно-серого пальто колыхались в такт шагам. Стянув перчатки, он неспешно прошелся между каталок, поочередно обводя черты застывших и заострившихся лиц, кончиками пальцев касаясь их тонких век. С каждой секундой Леше становилось все больше не по себе от зрелища этой тихой ласки.

Проблема в том, что Леша точно знает – Ян не просто надменный модник в сшитом на заказ костюме. Копаясь в архиве, почти целиком состоящем из однотипных случаев, отчеты которых будто скопированы один с другого, трудно не заметить что-то, выходящее из ряда вон. Протоколы по «Майской пятерке» были как раз такими. История выглядела мутной и больше походила на несмешной анекдот, чем на правду, но весь Совет тогда съел ее и не подавился.

Все началось, когда верховная Смольного шабаша, родная Янова сестра, к слову, отошла от дел. Рождение дочери, как говорят, самой сильной ведьмы в их истории, не далось ей даром. Маленькая ведьма будто выпила свою мать досуха, до смерти. Нового верховного выбирали в спешке, внутреннее голосование шабаша назначили так быстро, как только смогли. Вот только за день до него, всех троих кандидатов нашли около реки в двадцати километрах от городской черты, и то, что от них осталось, легко уместилось бы в пакет. А вскоре Смольный шабаш предъявил Отделу двух полувменяемых ведьм, которые перебивая друг дружку с радостью сознались, как позвали всех троих приятно провести время под майскими звездами, опоили и скормили мавкам. Даже рассказанное сухим языком протокола, все это выглядело как полная чушь. Отдел в те времена не сильно вникал в ведьмовские дела и, конечно, подробно разбираться не стал. Тех двух сумасшедших большинством голосов было ре-

шено оставить на болоте в русальную неделю. Что там с ними на этом болоте случилось, в протоколах не описывалось, но остальные ведьмы посчитали это достаточным наказанием за тройное убийство. Меньше, чем через неделю, верховным Смольного шабаша стал Ян, подозрительно молодой и не самый магически одаренный. И никто ему и слова против не сказал. А Отдел предпочел не копать и просто взял, что ему предлагали. В конце концов, ведьмы предоставил виновных, и те сознались, чего еще надо? Илью бы такое точно не устроило, он бы обязательно влез в дело, разворошил гнездо и рано или поздно откопал бы что-то. Но Ильи тогда в Отделе не было, и если Ян как-то и был причастен к смертям, то сейчас, после стольких лет у руля, он достаточно крепко держал своих ведьм, чтобы его можно было достать. Но «Майская пятерка» – это только капля в море, Отдел узнал о ней только потому, что первым нашел останки, а сколько еще было всего, что ведьмы скрывали.

Леша смотрел, как Ян, прикрыв глаза, потянулся через стол, чтобы убрать несколько волосков со лба одного из мальчиков, и шелковая бахрома с его шарфа упала на мертвую грудь, невесомо скользнув по шву. Горечь в его движениях и во всей его фигуре была почти осязаема. Он наверняка с самого рождения знал каждого из этих детей, смотрел, как они растут, а теперь от них остались просто тела, холодные и пустые. Мама всегда говорила Леше, что у него слиш-

ком нежное сердце. Сочувствовать Яну было плохой идеей. Она вела на опасную дорожку оправдания ужасных вещей, страшных вещей, которые ведьмы делали друг с другом.

За размышлениями Леша совсем потерялся в себе и упустил момент, когда Ян закончил свой обход и подошел к ним. Дремин тут же пробормотав что-то сочувственное, поторопился отойти к шкафу с документами и принялся делать вид, будто ищет что-то важное.

– Я заметил, что ни в ком из них не осталось магии, – объявил Ян, сканируя их взглядом, который обычно предполагает, что хозяин его ожидает немедленных объяснений сию же секунду, и отсчет уже пошел.

Леша уже собирался объявить ему свою версию событий, пошутив про хорошего тамаду и интересные конкурсы, но понял, что никогда в жизни не мог бы сказать это глядя Яну в лицо, и захлопнул рот.

Илья в ответ на это просто промолчал, вежливо подняв брови. Ян нахмурился.

– Я хочу копию отчета, – требовательно обратился он к Илье.

Для этого ему пришлось чуть запрокинуть голову. Возможно, это прибавило взгляду его темных глаз, и без того холоднее арктических льдов, пару десятков градусов ниже нуля.

– Тела мы сегодня заберем, – добавил он, доставая из кармана телефон.

Илья не выглядел впечатленным. Он лишь склонил голову к плечу, немного приподняв брови в притворной задумчивости.

– Тела можешь забирать хоть сейчас, а про отчеты даже не думай, – ответил он, выждав пару секунд.

У Яна дернулась щека. Взгляд его каким-то образом стал еще холоднее, он прищурился, медленно и со значением кивая.

– Хорошо. Видимо, придется проводить независимое расследование. Очень жаль, что Отдел не желает идти на встречу, когда мы так нуждаемся в помощи, – мрачно ответил он.

Неприятно улыбнувшись куда-то между Ильей и Лешей, он еще раз медленно кивнул, прощаясь со всеми сразу, как будто тратить время на прощание с каждым по отдельности

было выше его достоинства, и удалился, обдав презрением и облаком сладковато-перечного одеколona. И наверняка проклял их всех напоследок.

Леша занюхал воспоминание о нем своим остывающим кофе и снова грустно оглядел страницы отчета. Он как раз лениво размышлял, обновить ли ему свой двойной растворимый или пойти поискать завалившийся каким-нибудь чудом пакетик чая, как перед его столом возник Илья. Явно взбудораженный, синяки под его глазами были темнее, чем в прошлый раз, а на носу глубоко отпечатался след от очков. От него пахло кофе, как от целой кофейни, и вся его фигура будто слегка подрагивала от напряжения. Леша старался не смотреть ему в глаза, когда он в таком состоянии – всякий раз, когда быстрые зрачки ловили его в свой прицел, он не мог избавиться от ощущения, будто скоростной поезд мчался на него в темном тоннеле.

Илья тяжело рухнул в офисное кресло, скрипнувшее под ним глухо и несчастно, и нетерпеливо спросил:

– Что оборотни?

Леша скривился и с сожалением помотал головой. Пару недель назад кто-то заметил в городе пару оборотней и поспешил доложить Илье. Потом волчонка в толпе увидел кто-

то еще, и вскоре Леше казалось, что только он один их и не видел. По-хорошему, как велит Договор, представитель альфы, как и всякой волшебной фауны, должен был посетить Отдел и доложиться: откуда, сколько и с какой целью они любезно почтили город своим вниманием. Проблема в том, что благодаря животным инстинктам их было трудно заметить, легко потерять в толпе и невозможно найти, если те решат спрятаться. Варвара, наверное, смогла бы их отыскать, но Илья почему-то не спешил давать ей указание. «Если все проблемы начнет решать Варвара, зачем мне тогда вы. Она вообще-то здесь не работает и зарплату не получает, в отличие от тебя. Звони, давай» – ответил он Леше, когда тот сгруппировался, поинтересовавшись. А после положил перед ним выцветший чек с потрепанным сгибом посередине, и посмотрел прямо в душу своими страшными круглыми глазами. На чеке подтекающей ручкой был явно в спешке нацарапан телефонный номер.

Предположительно, номер на чеке принадлежал альфе стаи или заместителю альфы, ассистенту, в общем, кому-то кто смог бы прояснить ситуацию и помочь ее решить мирным путем. Леша звонил каждый день по десять раз и написал во все мессенджеры, в которые смог, он вообще никому в жизни с таким упорством не названивал, но в ответ получил только тишину и длинные гудки. Номер был старый, зарегистрирован на какого-то школьника, за эти годы успе-

шего уже закончить школу и поступить в институт, потеряв вместе с телефоном и теперь принадлежал бог знает кому. И даже так, найти хозяина было не слишком сложно, но Илья почему-то настаивал на том, чтобы оборотни пришли сами. Ворчал при этом что-то про естественный авторитет и уважение к государственным структурам.

Илья заметно погрузтел, принимая отказ, и вздохнув, вытащил из-за пояса свернутый в тугой рулон кусок линолеума. Леша, если честно, еще не успел соскучиться по его болтовне.

– Давно ты был в центре? – начал Илья издали, потуже закрепляя рулон канцелярскими резинками, чтобы тот не разворачивался.

– Мы и так в центре.

– В старом городе, где доходные дома.

Леша озадаченно покачал головой. Это был район магазинов, прогулок, расслабленных посиделок в кафе и других развлечений, в которых Леша, как человек с работой, не участвовал уже очень давно.

Илья задумчиво постучал пальцами по губам.

– Сгорел дом Бажова шабаша. В тот же день, когда нашли ребяток Яна.

– Думаете, это ведьмачьи разборки? – Леша недоверчиво поднял брови.

Хотя, в общем-то, ничего удивительного в этом выводе не было – уж больно хорошо все сходилось.

Илья пожал плечами:

– Не знаю. Бажовы жили себе тихо-мирно, после смены верховной. Зачем им убивать молодняк Яна? Тем более таким странным способом. Тем более, что тот и сам вот-вот уйдет и уже готовит в верховные свою племянницу. Целились бы в нее.

– Это могло быть такое заявление, в духе средневековой драмы, – предпринял попытку Леша, хотя и сам себе не верил.

– При чем тут тогда ... оно? – Илья постучал по рулону.

На это ответить было нечего.

– В любом случае, сходи к ним, осмотрись, узнай, что к чему. Только аккуратно.

Леша растерянно посмотрел на начальника.

– Куда? К ведьмам?

– Ну да. А что такого? У них всего три колдуна, ведут себя скромно. Сходи, прояви участие, у них все-таки пожар был. Отделу пора устанавливать хоть какие-то нормальные связи с шабашами, – сверкнул он глазами.

И Леша понял, что согласие его вообще-то никому и не было нужно.

– И это собой возьми, – щелкнув ногтем по круглому линолеумному боку, добавил Илья.

Глава 4.

Леша невольно замедлил шаг, пораженно оглядывая дом. Втесавшись в стройный ряд купеческих усадеб, он мог бы затеряться среди них от всякого взгляда, даже того, которому доводилось видать Договор, если бы не ужасные следы пожара. По-старинному узкие и частые окна смотрели на Лешу темными провалами на месте стекол, изящный декор вокруг них и кремово-белая штукатурка покрылись копотью. Темно-серое небо над ним опустилось так низко, что почти касалось зубцов на аттике, и отражалось в его, чудом уцелевшем, слуховом окне не то ледяной сталью, не то призраком густого дыма. Распахнутые кованые ворота навевали какое-то странное беспокойство, хоть не скрипели на ветру зловещими голосами. Малые милости.

Подавляющий, нависший сверху, источающий запах гари и старой, поросшей мхом, магии, дом Бажовых представлял собой настоящее зрелище скорби и запустения.

Леша поежился и покрутил в руках своего попутчика, принаравливаясь к неудобной форме – все резинки лопнули на морозе почти сразу же, и сам линолеум затвердел от холода в полуразвернутой форме, не согнуть, ни выпрямить. Он успел оценить, как Илья был с ними предусмотрителен – чем бы ни была застрявшая там сущность, в свернутом виде

она была, в основном, молчалива. За те несчастные пятнадцать минут от офиса до дома Бажовых, что Леша преодолел энергичным шагом, он успел получить обильные и подробные комментарии буквально обо всем, что встретилось ему по дороге. На подходе к дому сущность было притихла, видимо, тоже пораженная видом и атмосферой. Жаль продлилось это недолго.

– Давай не пойдем туда? Я чувствую негативные вибрации.

– Ой, извини, это, наверное, от меня, – процедил Леша.

Отвечать было больно, вся нижняя часть лица от холода так онемела, что отказывалась шевелиться, а кончики ресниц потяжелели от инея. Надо было по дороге взять кофейку с каким-нибудь сиропом, послаще, чтобы зубы сводило, и погорячее, чтобы руки обжигало даже сквозь перчатки.

– Знаешь, тебе стоит быть приветливее. Кислым видом ты ведьмочку не очаруешь, типаж у тебя не тот.

Леша промолчал, но от раздражения закатил глаза так сильно, что они заболели. Можно подумать, он сам хотел идти в этот дом. Девчонки они или нет, в ведьмах не могло быть ничего приятного. В конце концов, он уже имел сомнитель-

ное удовольствие знакомства с Яном.

Впрочем, Леша так замерз, что уже и в людях ничего приятного не видел.

Идти к Бажовым только лишь с голыми руками, неизвестной тварью в куске заледеневшего линолеума и не слишком искренними соболезнованиями, было немного некомфортно. Вдохнув, он начал осторожно подниматься по лестнице, хрустя мраморной крошкой и обходя расколотые плиты, пока не становился в нерешительности перед пустым дверным проемом. Порыв ветра швырнул ему в лицо горсть колючего снега и пыли с запахом кострища, заставляя зажмуриться и уткнуться в шарф.

– Ого. Добрый день, сударыня. Хотелось бы мне расцеловать ваши ручки, да нечем.

Леша яростно проморгался, пытаясь убрать пыль, потуже перехватил свой говорящий линолеум, в надежде, что он заткнется, и во все глаза уставился на «сударыню»: напротив входа, прямо на поваленной вовнутрь входной двери, стояла девушка, скорее даже молодая женщина, и рассматривала его в ответ. На вид ей было точно больше двадцати, хотя с ведьмами никогда нельзя сказать наверняка. Ее прямые темные брови хмуро сдвинулись на переносице, а растрепан-

ная челка, цветом своим отчего-то навевающая мысли о карамельных петушках, сбилась набок от ветра. В левом глазу у нее полопались сосуды, залив кровью почти весь белок, от чего на контрасте казалось, что серая радужка чуть светится в сумерках. Тонкие черты ее лица сходились в уже знакомом выражении, смутно недовольном и немного высокомерном. Точно такое же было у Яна всякий раз, когда Леша его видел. Он смотрел на ведьму, ведьма молча смотрела на него. Пауза затягивалась. Снежная крупа оседала на плечах и царапала лицо, сквозняки трепали выбившиеся у девушки из прически рыжевато-пшеничные пряди и тяжело шевелили длинный подол ее темно-зеленого платья. Ветер гудел в голых ветвях деревьев у подножья лестницы. Правой рукой в кожаной перчатке, в тон к платью, она оперлась на стену рядом с тем местом, откуда прямо с кусками битого кирпича был вырван весь дверной проем вместе с петлями, а левой в небрежном жесте откинула за спину длинную косу.

Леша решил, что пора бы уже что-то сказать, нашарил в кармане и сунул ей под нос удостоверение:

– Младший лейтенант Алексей Поляев, Отдел надзора экологической безопасности и контроля популяций опасных видов. Бажова Ярослава Матвеевна?

– Да. Будьте добры, просто Яра, – ответила она хрипло. –

Вы не знали, что ведьмы опознают любого, кто работает в Отделе, даже если никогда не видели его лица? – добавила она, усмехнувшись краем рта.

Леша не знал.

– Проходите, – бросила она, снова оглядев его с ног до головы, развернулась на каблуках и скрылась в темноте. Последней мелькнула ее коса, тускло блеснув янтарем.

Леша выдохнул, поудобнее перехватил сверток и поспешил вслед за эхом ее удаляющихся шагов.

– Где вы подцепили такого интересного друга, Алексей? – поинтересовалась Яра, глянув через плечо.

Они шли через выстуженную обгорелую галерею, Леша шагал чуть позади, стараясь не наступать на дыры в паркете и не споткнуться о куски рухнувших балок. В поле зрения то и дело мелькал кончик ведьминой косы, скрепленный какой-то хитрой тяжелой заколкой. Она то легко ударяла по бедру, то пряталась где-то в складках подола. Загипнотизированный ей, как маятником, Леша не сразу понял, что его о чем-то спросили.

– Это наш свидетель по последнему делу. Или подозрева-

емый, следствие покажет, – сказал он, понадежней фиксируя свою ношу подмышкой.

– Я лишь несчастный листок, гонимый ветром, сударыня, – проскрипело оттуда с надрывом.

Яра хмыкнула, не сбавляя шага.

– Как тебя зовут?

– Как сударыне будет угодно? – последовал вкрадчивый ответ.

В ответ она промолчала, чуть дернув уголком губ, и пропустила Лешу в просторную длинную комнату, закрывая следом за ним тяжелую дверь.

– Симпатичный у вас кабинет, – вежливо отметил он, заинтересованно повертев головой.

– Спасибо, это папин. Ну... теперь мой. Почти единственная комната, до которой не добрался пожар.

Леша понимающе кивнул, не отрываясь от разглядывания комнаты. Таинственный пожар в самом центре города, самостоятельно потушенный силами, предположительно, трех

человек. Которые почему-то никуда об этом пожаре не сообщили. Чего ж непонятного?

Было в таких старых домах из позапрошлого века особое очарование. Сейчас их чаще использовали как офисы госконтор, магазины, рестораны или гостиницы. По большому счету, Леша, наверное, впервые был в подобном доме, который до сих пор использовался, как жилой. Кабинет ему действительно понравился. Высокий потолок, обшитый деревянными панелями с густой резьбой, делили две старинные люстры на четыре рожка, все в кованых завитушках. Спускаясь на длинных цепях из-под потолка, они едва ли были способны достать своим светом всю темноту из углов, но выглядели эффектно. Стены кабинета обиты тканью, оттенка, наверняка, глубоко-красного при свете дня, но в вечернем сумраке он казался слишком темным, почти черным. В противоположном от входа конце комнаты, прямо перед глухими портьерами, еще более темными, чем стены, стоял огромный, как океанский крейсер, письменный стол, сейчас абсолютно пустой. На его матовой полировке таяли, мягко мерцая, и растворялись редкие отблески камина. Атмосфера казалась мрачной, но по-своему уютной. Старомодный интерьер выглядел совсем новым, будто лет сто назад время остановилось в этой комнате и с тех пор ни секунды не уронило на трехцветный паркет. Вдоль стены вытянулись шкафы, скрывающие за стеклом ряды книжных корешков. Неболь-

шой камин из серого мрамора поблескивал тонкими черными прожилками, пламя в его глубине весело трещало, пожирая светлую щепу.

Над камином Леша увидел картину в золоченой раме и сам не заметил, как сделал пару шагов вперед, чтобы лучше рассмотреть. На полотне, почти таком же широком, как пышущий жаром зев камина, неизвестный художник изобразил пенные волны, в свирепой атаке бросающиеся на темные скалы. На вершине скалы, продуваемое насквозь ветрами, высилось древнее святилище. Ветер трепал рдяные полотнища на его столбах и гнал к нему дым от горящих поселений. Море в бесплодной ярости рвалось вверх, чтобы поглотить и похоронить под тяжелой волной, но святилище стояло слишком высоко, и столбы в его основании были крепки. Крыша его щерилась в небо острыми зубцами, а над ней солнце вспоролло облака, и заря, как кровь зажгла злые волны, жадно грызущие скалу под его основанием.

От картины веяло горькой солью и штормом, и тяжелым предчувствием.

– Это мама рисовала, давно еще, – пояснила Яра, заметив его интерес. – Она, наверное, самая моя любимая.

Леша обернулся как раз тогда, когда она выкатывала на

середину комнаты столик с двумя чайными парами, пузатым чайником и горкой профитролей в большой вазе. Тихо звякнула ложечка по тонкому блюду, в воздухе тонко потянуло лимоном и хорошим свежесваренным черным чаем. Яра оглядела свой исполинский стол, замерла на секунду, размышляя, и подкатила столик к темному кожаному дивану напротив камина.

– Сядем здесь, раз вам понравилась картина.

Здесь, так здесь. Леша пристроил свой пуховик на диванную спинку, с опаской сел на предложенное место и только потом аккуратно положил рядом кое-как свернутый рулон. В последние минуты тот был приятно молчалив, и Леша боялся спугнуть внезапную удачу. Сама Яра уже пристраивала сбоку огромное кресло представительского вида, видимо из того же гарнитура, что и стол. От камина ровно шли потоки горячего воздуха, отблески пламени плясали на молочно-белых боках чайника, зажигали золотую кайму на носике и на крышке почти нестерпимо яркими искрами. В кабинете было очень тихо, единственный звук, посмевавшийся потревожить тишину – тот, с которым древесина трескается от сухого жара. Леше показалось, что он слышит собственный пульс. Огонь раз за разом облизывал уже обгоревший кусок дерева, тот вспыхивал изнутри красным в том же бесконечно повторяющемся ритме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.